

Александр
Крыласов

Запойное
ЧТИВО
№ 1

Александр Аркадьевич Крыласов

Запойное чтение № 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11868460

Александр Крыласов Запойное чтение № 1: ООО «Литео»; Москва; 2015

ISBN 978-5-00071-384-6

Аннотация

Жизнь прожить – не поле перейти. Водку пить – в трясине не увязнуть. Что такое пьянство? Скольжение по зыбкому болоту – под ногами пружинисто и забавно, весело и размашисто. Прыгаешь себе с кочки на кочку... Но вот чуть замешкался или нога подвернулась... и сразу начинает засасывать. Глядишь, уже и по колено. Ещё чуть-чуть – и по пояс. А вот уже и с головой... Рассказы автора – ответ на рассказы В. М. Шукшина и С.Д. Довлатова, романчик «Переплут и Бурмакин» – ответ М.А. Булгакову на его «Мастера и Маргариту». Цель – проста, как пряник: пусть пьющий увидит себя со стороны и пойдёт сдаваться наркологам. Мне возразят – пьющие не читают. Но жёны-то их читать умеют. Пусть вслух своим муженькам и зачитают наиболее удачные места...

Содержание

Запойное чтение № 1	5
Юный курильщик	6
Курильщик со стажем	7
Никотиновые мифы	8
О пользе и вреде никотина	9
О времена, о нравы	10
Препарат «Торпедо»	11
Моя классификация	13
Фомы Неверующие	13
Неопытный экспериментатор	13
Экспериментатор с научной степенью	15
Переговорщики	16
Беглецы	16
Исключения из правил	17
Венценосные особы	18
Шалуны	18
Торопыжки	19
Несгибаемые ветераны	20
Милые лжецы	20
Лже-подкаблучники	21
Жертвы произвола	21
Чудилы	22
Отдыхающие	23
Спортсмены-физкультурники	24
Ползком	25
Мечь	29
Барыши, так барыши	34
Ремонт, продажа – результат	40
Потомственный кузнец	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Крыласов

Запойное чтение № 1

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© Александр Крыласов, 2015

© ООО «Литео», 2015

Запойное чтение № 1

О, это ощущение свободы, охватывающее меня после ночного дежурства! Состояние равновесия. Чувство завершенности, правда, разбавленное усталостью после бессонной ночи, приправленное повышенным артериальным давлением и отфильтрованное немолдыми почками. И тем не менее. Кто никогда не дежурил по ночам, не поймёт мучеников, шаркающих домой после вахты. Эти страдальцы плывут против людского потока, задевая спешащих на работу натруженными крылами. Они презируют условности и несут на своём челе печать избранности. Всех ждут рабочие места, их встречают нетронутые постели. Я поставил бы ночным трудягам памятник, но, боюсь, мэрия никогда не выделит мне денег.

Пошатываясь от усталости, я плёлся домой по московским улицам. Ирония судьбы заключается в том, что мы стареем слишком быстро, не успевая привыкнуть к новой возрастной категории. В двадцать лет я мог не спать две ночи подряд, ища в спорах с друзьями смысл жизни. В конце бессонного бдения, смысл жития был нами окончательно найден, но тут же утерян после нагоняя от возмущённых родителей. В тридцать лет после ночного дежурства я бежал на другую работу, а вечером на пару с женой ещё шлялся по гостям. В сорок лет я осознал, что две работы мне уже не потянуть. А сейчас даже представить страшно, что будет со мной, если я сейчас же не завалюсь под одеяло. Ещё бы. Мне, Всеволоду Андреевичу Крылову, врачу психиатру-наркологу, пятьдесят девять лет от роду и скоро я пойду на туалетное мыло. Хотя вряд ли, дай Бог, если на хозяйственное сгожусь. Память, пришпоренная на ночном дежурстве воспоминаниями, никак не хотела тормозить, напоминая норовистую лошадь, и выдала несколько табачных очередей из врачебной практики.

Юный курильщик

Нет ничего хуже, чем заниматься лечением никотиновой зависимости у детей и подростков. Самое, я вам доложу, бестолковое занятие. Поймали, допустим, такого Артёмку или Максимку десяти, двенадцати лет за сараями, где он вместе с такими же оболтусами курил, надувая щёки, стыренные у отца сигареты. Если семья попроще – ввалили ему ремня. Если поинтеллигентней – извели нотациями и показали страшные картинки с чёрными лёгкими и барахлящим сердцем. Внизу жуткие надписи: «Курение вызывает рак» или «Купи себе импотенцию». Парнишку такие картинки и слоганы пугают не больше, чем Змей Горыныч и Кашей Бессмертный вместе взятые. Видя подобное легкомыслие, родители хватают упирающегося отпрыска и волокут на приём к наркологу. А дальше начинаются чудеса.

В один прекрасный день я решил, что у меня самого начались проблемы с психикой. Ещё бы – тридцать шесть лет в малой психиатрии. Не шутка. Ставлю программу контент терапии малолетнему пациенту и выхожу на пару минут в коридор. Возвращаюсь и вдруг слышу самое настоящее хрюканье. По спине сразу поползли мурашки: «Вот оно, началось. Так и до палаты № 6 недолго. Плох тот психиатр, кому не удаётся сойти с ума». Я встряхнул головой, поковырял в левом ухе – вроде отпустило. Пошуровал в правом, взял себя в руки, пробубнил под нос клятву Гиппократы. Тишина и спокойствие. Потом снова раздалось хрюканье, да натуральное такое. Ну, думаю: «Приплыли. Не зря нам, психиатрам-наркологам, раньше молоко за вредность давали и отпуск у нас в полтора раза дольше, чем у большинства врачей». Заглядываю за ширму и вижу такую картину: мальчишка расположился в кресле в позе 69, то есть, там, где должна быть голова, находятся его ноги, а где по идее располагается в кресле пятая точка, белеет голова. Юный балбес в таком положении, конечно же, не может видеть экран телевизора, да это ему и не нужно. Он самозабвенно перехрюкивается по мобильному телефону с приятелем, который сидит за пределами кабинета и оказывает пациенту всяческую, в том числе и моральную поддержку. Видимо, вид у меня был немного всклокоченный и нервный, потому что при моём появлении юный хулиган свалился с кресла на пол и заныл, утирая слёзы: «Только бабушке не говорите. Она меня убьёт». Даже если он бросит курить, любой соседский пацан может взять его на слабо. «А слабо тебе, Максимка, закурить»? И Максимка тут же схватится за сигарету, чтобы всем доказать, что он уже достаточно взрослый, самостоятельный и правильный парниша. Лечить таких малолетних курак – только время терять.

Курильщик со стажем

Но нет ничего легче и приятней, чем лечить курильщиков с большим стажем. Они начинают угрожать с самого порога: «Я курю уже пятьдесят лет и никогда не брошу. Пятьдесят лет! У меня в день уходит четыре пачки папирос. Четыре! Если я брошу курить, то сразу умру. Едва продрав глаза, я должен засандалить пять папирос. Пять! После такой «зарядки» я кашляю до рвоты, а перед глазами плавают и качаются зелёные круги размером с велосипедное колесо. Но без пяти папирос у меня не получается войти в рабочий режим. Ещё на свет не родился тот доктор, который избавит меня от никотиновой зависимости».

А вот и не угадал. Эта самая благодарная группа пациентов. Они так устали от предельных доз табака, у них настолько мало осталось здоровья, что достаточно мелкого толчка и от глубоких затяжек останутся одни воспоминания.

Старик Архипыч восьмидесяти пяти лет, с никотиновым стажем семьдесят пять лет прихромал на приём на костылях. Одну ногу ему уже ампутировали. Диагноз: эндартериит нижних конечностей. (Сужение артерий, если примитивно. Табакокурение одна из основных причин эндартериита). Я сначала подумал, что он в меня запустит костылём, Архипыч был ужасно зол на врачей, а особенно на хирургов. Его лечащий врач отказался делать старику операцию на ноге, пока тот не бросит выкуривать четыре пачки папирос в день. Архипыч разорвался, что таких докторов нужно сразу ставить к больничной стенке и пускать в расход. Я возразил, что две ноги – роскошь, а одна ни к чему. Пусть ездит безногий на каталке и выкуривает хоть по пять пачек. Какие проблемы? А то, что хирург не хочет оперировать Архипыча с таким отягощённым анамнезом – его право. Пусть сначала сам пациент позаботится о собственном здоровье, а уж потом и доктор на выручку подоспеет. Дед уже нацелил костыль и зажмурил левый глаз, когда я пообещал вылечить его от табакокурения за один сеанс. У «ворошиловского стрелка» дрогнула рука и сбилась мушка, но он недоверчиво покачал головой, потом согласился. Один сеанс контент терапии и Архипыч завязал с табаком пожизненно. Ногу ему, кстати, хирург сохранил. Но и старик оказался на высоте, его и под пулемётом нельзя было уговорить затянуться.

Никотиновые мифы

А сейчас я открою вам страшную тайну! Вы хотите бросить курить? Действительно хотите? Тогда слушайте сюда. Забудьте всё, чему вас учили раньше. Так, кажется, говорят выпускникам, когда они становятся молодыми специалистами.

Миф 1. Человек, бросивший курить, чувствует себя гораздо хуже, чем курящий. У него останавливается сердце, он задыхается, кашляет, кашляет, кашляет и умирает без сигареты. Так вот – это сказки. Человек, бросивший курить, чувствует себя однозначно лучше курильщика. Это даже не обсуждается, хотя я неоднократно слышал байки: один мужик бросил курить и умер, другой завязал с куревом и сошёл с ума. Может быть, у соседей по лестничной клетке такие басни и прокатывают, но у волков наркологии – не пройдут. Бросьте курить и на третий день вы ощутите, что ваши лёгкие опускаются на два литра ниже, а проскакать три лестничных пролёта можно будет играючи и без малейших признаков одышки.

Миф 2. Курильщик, завязавший с куревом, на протяжении нескольких лет хочет курить «аж ухи пухнут». Вредная и порочная выдумка. Объясняю – табачная зависимость состоит из трёх составляющих: физическая зависимость, психическая зависимость, психологическая зависимость.

А) Физическая зависимость длится восемь – двенадцать часов. И всё. В среднем табачная абстиненция начинается через сорок минут. Сидит студент на лекции и смотрит на часы, когда же этот змей-лектор замолчит и можно будет пойти перекурить. Перекурил, уровень никотина в организме повысился. Следующие сорок минут курильщик чувствует себя относительно комфортно. Хотя он ещё три раза может покурить – за компанию. То есть на физическую зависимость повлиять невозможно. Весь никотин должен выйти из обмена веществ. Иголкавание, электропунктура, гомеопатия, антиникотиновые препараты только облегчают состояние пациента. Но страдать ему так и так придётся, пока физическая зависимость не угаснет. Она длится, как я уже говорил, от восьми до двенадцати часов. Всего-то.

Б) Психическая зависимость продолжается от трёх до пяти суток. И всё. За годы своей многолетней практики я убедился в одном: психическая зависимость длится максимум пять суток. На неё-то и направлено лечение. Нужно вытеснить её и дать что-то взамен.

В) Психологическая зависимость длится всю жизнь. То есть всю оставшуюся жизнь пациент будет помнить об утраченном удовольствии. Это как еле-еле тлеющие угольки. Но не дай вам Бог сделать одну затяжку, зависимости мгновенно возвращаются снова: и физическая, и психическая. Это как будто на угольки бензинчику плеснуть – снова из искры возгорится пламя.

На моей практике дед Макарыч не курил десять лет. На Новый год его подбили недалёкие внуки: «Закури, дед, ничего с тобой не случится. Ты больше десяти лет уже не куришь». Старикан долго отнекивался, но потом пошёл на поводу у молодёжи. Первая затяжка ему не понравилась: горечь, кислятина. Отвык за десять лет, вторая пошла лучше. Первого января Макарыч проснулся с одним яростным желанием – закурить. Причём, он сразу стал высасывать по тридцать девять сигарет, как и раньше. То есть от двух пачек у него оставалась одна сигарета. Первый раз он бросил курить в пятьдесят лет, сейчас ему было за шестьдесят, но тридцать девять сигарет – как крест снова повисли на его шее. Пришлось идти, сдаваться к наркологу снова.

Другой мой пациент не курил после контент терапии семь лет. И всё было замечательно, пока играя в шахматы и задумавшись над очередным ходом, он на автомате не попросил сигарету у соперника. На автомате закурил, в результате снова разогнался до трёх пачек. Пришлось начинать лечение сначала.

О пользе и вреде никотина

Чем хорош табак (и этого никто не скрывает), так это мощной психотерапевтической поддержкой:

Вы пришли в незнакомую компанию, и естественно, чувствуете себя неудобно. Тогда вы хватаетесь за сигарету, как за спасательный круг. (Все закурили и вы закурили. Сразу налаживается и контакт, и диалог). В данном случае сигарета служит катализатором общения.

Вы стоите на остановке и ждёте автобуса, а тот всё не подходит и не подходит. Закурили – и время потекло значительно быстрее. Закурили на красном свете светофора и вот он уже зелёный. А как вы думали – сигарета ускоряет время.

Вам плохо, вы закурили, и стало значительно легче. Через привычное отравление вы сбрасываете стресс и перезагружаетесь.

Вам хорошо – вы закурили, и вам стало ещё лучше. Вы удваиваете и утраиваете свой кайф.

Вы сидите за компом и что-то творите. И, конечно же, думаете: «сейчас закончу и пойду, отравлюсь». Видите, сигарета здесь играет роль приза и вознаграждения за сделанную работу.

Чем плох табак (и этого тоже никто не скрывает) так это мощным отрицательным воздействием на организм. Как учёные не выискивали в нём положительного влияния на организм, как не старались, без толку. Один вред. Никотин оказывает сосудосуживающий эффект. Таким образом, страдают сосуды, сердце, лёгкие, желудок, потенция, кожа и прочая и прочая.

Что же у меня за дурацкая черта – не уметь останавливаться. Вместо того, чтобы расслабиться после ночной писанины, побыстрее добраться до дому и задряхнуть, я завернул в кафе и принялся снова мараить бумагу. Что поделаешь, случаи из долгой врачебной практики по-чекистки барабанили, молотили и ломились в мою голову, только успевай записывать. С другой стороны, лучше сразу записать, пока так прёт. Я заказал чашку кофе и принялся опять писать мемуары, время, от времени кусая вместо бутерброда свою шариковую ручку.

О времена, о нравы

(Кому она теперь нужна, ваша справка)

Всё течёт, всё изменяется в подлунном мире. Не так давно основной причиной обращения к наркологу являлось получение справки о кодировании или введении препарата «Торпедо», имплантации «Эсперали» или «Десульфизона». Пациент, после проведённой процедуры, хватал справку трясущимися руками и нёс её, как святыню, показывать бригадиру. Вожделенная бумажка служила ему индульгенцией на год или на два, в зависимости от срока кодировки. Без неё человек до работы не допускался и перемещался в разряд отщепенцев и конченных алкозавров, зато со справкой с него снимались все грехи, и давался шанс начать новую жизнь.

В наше проклятое время бригадир сразу предупреждает своих подопечных, что если они уйдут в запой, то возвращаться им имеет смысл лишь за трудовой книжкой. Мол, сейчас сотня трезвенников стоит за воротами предприятия, только свистни. И их не нужно лечить от алкоголизма, упрекать в пьянстве и последующих чудачествах – они будут рады одной возможности заступить на рабочую вахту.

Я знавал одного мужика в середине восьмидесятых, так у него было хобби – каждые три месяца менять место работы. «Типа, становится скучно на одном месте, теряется былая лёгкость и мобильность». А так он через каждые три месяца увольнялся по собственному желанию, месяц отмечал свалившуюся на него свободу и вновь устраивался на новую фабрику или завод. Он даже вывел целую философию из своего образа жизни и активно пропагандировал её в массах. Он, кстати, никогда не кодировался, только просил вывести его из запоя.

В 2013 году наши пути вновь пересеклись. Увы, он оказался закованным в цепи капитализма и кандалы реальности. Бывший анархист и почётный неконформист пришёл ко мне лечиться от табакокурения – в их цеху теперь даже курить нельзя, не говоря о том, чтобы пол литру раздавить. Он пожаловался мне на свои кошмары: ему часто снилось, что его уволили и теперь невозможно подыскать себе новую работу. Бывший бунтарь уже два года не пьёт, теперь и курить не будет, а всё ради того, чтобы не уволили.

Препарат «Торпедо»

Когда мне исполнилось сорок лет, я прекратил вводить пациентам препарат «Торпедо». В просторечии «ставить торпеды». Произошло это так. В наркологический диспансер пришёл наш старый пациент Петрович. Он, как и три раза до этого, хотел «поставить себе торпеду на год». Манипуляция была трижды апробированной, и долго я с Петровичем не рассусоливал, только спросил, когда он последний раз употреблял алкоголь, померил артериальное давление, пульс, дал подписать расписки и вперёд. Процедурная медсестра Анна Михайловна захлопала поршнем, всасывая последние капли препарата из ампулы в шприц, пережала жгутом предплечье Петровичу и начала искать вену. Я ещё раз, на всякий пожарный случай поинтересовался, когда Петрович последний раз разминался спиртным?

– Неделю назад, – с укоризной взглянул на меня Петрович, – ну, сколько можно спрашивать?

– Положено, – застеснялся я собственной назойливости.

Анна Михайловна потянула поршень на себя, кровь багровым туманом заклубилась по шприцу, мешаясь с десенсибилизирующим (антиалкогольным) препаратом. Отлично, медсестра уже в вене и через три минуты всё будет кончено. Я стал смотреть в открытое окно и думать о приятном: «Хороший в этом году выдался июнь, тёплый»... Слева раздался всхлип, я перевёл взгляд и остолбенел. Петровича разносило прямо на глазах, как будто малолетние хулиганы надували жабу. В течение десяти секунд каждый из его пальцев стал толщиной с руку, про остальные части тела лучше, вообще, умолчать. «Аллергическая реакция. Пил вчера, змеёныш. Сейчас начнёт задыхаться. Всё может закончиться отёком Квинке», – мозг отстранёно фиксировал и анализировал увиденное, – «нужно колоть преднизолоном. Срочно». Самым трудным, оказалось, выйти из столбняка и начать искать, где лежат гормональные препараты. Анна Михайловна, даром, что имела пятнадцатилетний стаж, только хлопала своими ресницами, да трясла нижней губой. Я принялся судорожно перебирать коробки с лекарствами, ища нужный мне преднизолон. Опаньки, нашёл. Теперь быстро сворачиваем шею ампуле и набираем жидкость в шприц. Укол, и вот уже Петрович сдувается, словно проколотый воздушный шарик. Когда ты постоянно работаешь в реанимации, для тебя это штатная ситуация, не более. Но если ты расслабился и не ждёшь от старого знакомого эдакого подвоха – это, я вам доложу, напряжённо. Короче, Петровича мы откачали, и дрожащим от негодования голосом я поинтересовался:

– Так когда, нехороший человек, ты пил последний раз?!

– А что? Что-то не так? Ну, выпил вчера капельку пива, – невинно заявил Петрович, с подозрением глядя на свои сдувшиеся пальцы.

– Капельку?!

– Ну, пару бутылок. А я что, не сказал?

– Не сказал! – прорезался голос у Анны Михайловны, – убить тебя мало, засранца!! Я думала, у меня у самой инфаркт будет!!! Пойду, прилягу, что-то мне нехорошо.

Через два часа появился второй пациент, также неоднократно делавший у нас торпеду. Его, как обычно, сопровождала супруга. Мы со слезой в голосе рассказали им о «предыдущем фрукте».

– Во дурак, – стал обличать собрата Иваныч, – совсем головы у человека нет. Ну, разве так можно. Соображать же нужно.

– Ничего страшного, – встряла жена, – впредь наука ему будет.

– Нет, ну, надо же быть таким дураком, – не мог успокоиться Иваныч, – как таких только земля носит. Знал, что идёт сдаваться, и пиво накануне махнул. Вот дуремар-то.

– Да уж, – пробурчал я, – нас самих чуть кондрашка нехватила.

– Моему обязательно с провокацией проведите, – стала настаивать жёнушка Иваныча, – чтобы проняло его, забулдыгу.

Провокация – это когда после введения противоалкогольного препарата, капают спирт на язык или на ватку и дают понюхать пациенту. Тех, соответственно, начинает колбасить и плющить не по-детски. Эту фашистскую процедуру очень любят жёны больных и не всегда приветствуют матери, видимо, материнское сердце чуточку добрее. Сами пациенты от неё тоже не в восторге. Иваныч и бдительная супруга уверяли, что он последний раз принимал на грудь две недели назад. Как перед Богом.

Медсестра стала вводить препарат, Иваныч, коротко всхрипнув, повалился назад. «Твою мать!» – рассвирепел я, – «и этот вчера усугублял!»! Пришлось опять кидаться за преднизолоном. В процедурную, почуяв неладное, заглянула жена.

– Уби-и-или! – заблужила она, – кормильца угро-о-обили!

Действие стало напоминать некачественный фильм отечественного производства про гражданскую войну или разоблачение врачей-вредителей. Укол гормонального препарата. Иваныч тут же поднимается с пола и сразу вступает в оживлённую перепалку с супругой. А я решил: «Всё, амба. Больше я препарат «Торпедо» не использую. Воля ваша, но здоровье у меня уже не то. Пусть молодые торпедируют». И до сих пор следую этому принципу. Хотя препараты за четверть века стали куда как менее токсичны, дури у наших пациентов не убавилось.

Моя классификация

Протрубив всю свою сознательную жизнь в наркологии, я давно уже отошёл от бумажных истин и составил свою классификацию поступающих на лечение пациентов. Она сильно отличается от той, что описана в учебниках, зато подтверждена многочисленными примерами и взята непосредственно из врачебного опыта. Итак, пациенты делятся на десять видов и четыре подвида. Это:

1. Фомы Неверующие:

- а) Неопытные экспериментаторы.
- б) Экспериментаторы со стажем.

2. Переговорщики.

3. Беглецы.

4. Исключения из правил.

5. Венценосные особы.

- а) Шалуны
- б) Торопыжки.

6. Несгибаемые ветераны.

7. Милые лжецы.

- а) Лже-подкаблучники.
- б) Жертвы произвола.

8. Чудилы.

9. Отдыхающие.

10. Спортсмены-физкультурники.

Фомы Неверующие

Они начинают смеяться с самого порога. Эта группа пациентов заливается так, будто им смешинка в рот попала или они перед приходом к доктору обкурились качественной травы. В их смехе слышится недюжинный жизненный опыт, редкая прозорливость и презрение к лженауке – наркологии. Они не верят ни во что и заранее посылают вас на три буквы. Посмотрев три минуты на смеющихся бойцов, я начинаю хохотать в ответ. Это их несколько обескураживает, но они продолжают молодецки ржать и утирать выступившие слёзы. В эти наполненные счастьем минуты я вспоминаю несколько случаев, когда таким хохотунам по ходу было не до смеха.

Неопытный экспериментатор

(Не пей братец Иванушка, козлёночком станешь)

Под нажимом жены и тёщи ко мне на приём явился молодой и удачливый бизнесмен. И вот также с порога он принялся ржать, как полковая лошадь над дураком доктором, медицинской наукой вообще и антиалкогольными препаратами в частности. Складывалось такое ощущение, что он попал не в наркологический кабинет, а угодил в комнату смеха или королевство кривых зеркал. Я спокойно и уравновешенно объяснил ему, что цирк располагается по другому адресу, а на десенсибилизирующих (антиалкогольных) препаратах пить нельзя. Вступая в реакцию с алкоголем, препараты наносят непоправимый вред здоровью. Однако дундук продолжал хихикать и подначивать в моём лице всю официальную медицину.

– Ага, типа не пей, братец Иванушка, козлёночком станешь. Вы эти сказки детям на ночь рассказывайте.

– Я говорю абсолютно серьёзно.

– Всё это ерунда. Дайте мне хоть сотню ваших таблеток, я выпью на них вискаря и ничего со мной не случится.

– Послушайте, дорогой товарищ. Я не какой-нибудь там шаман и чародей. Я – дипломированный врач. И я не руками буду у вас над макушкой водить, а дам вам сертифицированный испанский препарат. Читайте сами инструкцию, там всё чётким по белому написано.

Негоциант небрежно просмотрел аннотацию, отмахнулся и вынес вердикт:

– Туфта. Плевал я на эти препараты с высокой колокольни.

Я ещё полчаса пытался его урезонить, но, в конце концов, решил, что пациент просто кочевряжится. Ну, не совсем же он отморозок, чтобы ставить эксперименты на собственном здоровье, да ещё после прочтения аннотации. Тем не менее, бизнесмен написал мне расписку, что предупреждён о последствиях в случае принятия алкоголя. Он, картинно отставив локоть, тянул мензурку с раствором, крикнул и убыл по своим буржуинским делам, а я занялся другими пациентами.

Примерно через два часа раздался телефонный звонок. Голос собеседника был настолько глух и обессилен, словно звучал из-под могильной плиты. С огромным трудом я признал нём того бодрячка, который «плевал на эти препараты с высокой колокольни».

– Попробовал? – изумился я.

– Попробовал, – еле слышно прошелестел горе-экспериментатор.

– Ну, и как?

– Чуть кони не двинул.

Оказывается, развесёлый пациент поехал домой и всю дорогу укатывался, вспоминая прикурку нарколога, давшего ему пятьдесят грамм какой-то хрени без вкуса и запаха, заставившего подписать дурацкую расписку и пытавшегося нагнать жути на ровном месте. Весельчак первым делом отправился на свою роскошную кухню, достал из бара бутылку виски и накатил целый стакан. Потом уселся на высокий табурет перед барной стойкой, (а кухня у него была стилизована под ковбойский салун времён первых переселенцев), и отхлебнул из стакана от всей своей широченной души. При этом он не переставал хохотать и потешаться над так называемым противоалкогольным лекарством. После первого глотка с ним ничего не произошло. Абсолютно. Это вызвало новый взрыв восторга и насмешек. Хохотун сделал второй глоток, тот пошёл ощутимо хуже. Бизнесмен вдруг почувствовал, что ему заложило уши, потом потемнело в глазах, закружилась голова... Камикадзе очнулся на полу. Никогда до этого ему не было так плохо, никогда он не испытывал такой слабости и упадка сил. (Ещё бы, когда давление падает по типу коллапса, тут не до смеха). Хорошо, что этот пехотинец догадался вызвать у себя рвоту, засвиначил ковбойскую кухню и пополз в спальню к жене, как в медсанбат. На следующий день выяснилось, что он сломал себе два ребра. Ну, хоть виском не ударился, и то, слава Богу.

– Теперь я поверил, – позвонил бизнесмен после визита к рентгенологу.

– Ещё бы, – констатировал я, – факты, как говорится, на рентгенограмме. Хотя возникает закономерный вопрос: а обязательно нужно ломать себе рёбра, чтобы поверить в очевидные вещи? Или возможно всё-таки обойтись без членовредительства?

Экспериментатор с научной степенью

(Учись, студент, пока я жив)

Уважаемые дамы и господа, на ваше рассмотрение предлагается случай, имевший место с преподавателем вуза. Семёныч начал злоупотреблять спиртным ещё в студенчестве, в аспирантуре это дело развил, а, занимая должность доцента «кайфедры», сумел поднять на недостижимую высоту. (С его слов, самое ужасное и невыносимое в жизни занятие – читать утреннюю лекцию с бодуна). Семёныч был у нас, что называется постоянным клиентом, он время от времени принимал противоалкогольные препараты пролонгированного типа действия и вновь сеял разумное, доброе, вечное в своём институте. Пациент, заглянув к нам, как обычно, лихо заглотил лекарства, написал расписку и двинул в сторону дачи. Вскоре позвонила его супруга и поинтересовалась, где её муж. Я развёл руками.

Супруга Семёныча звонила с периодичностью в полчаса и рассказывала страшные вещи. Сначала сотовый мужа откликался длинными гудками, потом пошли короткие, вскоре в трубке откликнулся незнакомый мужской голос, послал её по матушке и заявил, чтобы она больше по этому номеру не звонила, дальше абонент оказался недоступен.

Ближе к вечеру всё прояснилось: Семёныч вышел от нас бодрым шагом, ощущая себя нужным, полезным и целеустремлённым членом общества. До метро «Измайловская» было рукой подать, и воодушевлённый член общества уже подходил к турникетам, когда его взгляд зацепился за группу молодёжи, дружно сосущую пиво. Семёныч встал как вкопанный, он так потом описывал свои дальнейшие действия: «Вдруг меня торкнуло – а не хлебнуть ли и мне пивка. В человеке столько неиспользованных возможностей, может, со мной нечего и не произойдёт». Он тут же купил себе банку пива, и здорово труся, сделал первый глоток. Никаких последствий. Исследователь неиспользованных возможностей организма отхлебнул побольше, в его глазах поплыли люди и растения... Семёныч рухнул в кусты, растущие вдоль станции метро.

Какое-то время он там и провалился без сознания. На Западе вы никогда не увидите бесхозно лежащих людей. Их постоянно теребят вопросами, к ним пристают навязчивые прохожие, не плохо ли им, не нужно ли чем-нибудь помочь? В нашей стране такая назойливость не приветствуется. Если человек лежит в кустах, ясное дело, что ему не плохо, ему, наоборот, хорошо и нечего обламывать чужой кайф.

Экспериментатор очнулся и принялся тихо стонать, прохожие не реагировали, тогда он возвысил голос.

– Помогите, – прохрипел Семёныч, – мне плохо.

Проходящий мимо молодой человек ухмыльнулся и, конечно, тут же «помог». Он освободил Семёныча от непосильной ноши: снял часы, а также присвоил телефон и портмоне. После оказания первой помощи, он несколько раз пнул поверженного доцента пыльным тапком и скрылся среди ларьков.

А Семёныч кое-как освоил вертикальное положение и принялся стрелять мелочь на проезд.

– Ко мне бы вернулись, – оторопел я после его объяснений по телефону, – уж на проезд я бы вам дал. И давление померил, и супруге позвонил.

– Стыдно, – признался исследователь.

А своё здоровье вот так глупо гробить не стыдно?

Вопрос, на который, я знаю, никогда не дожидаться ответа.

Переговорщики

(Выпил, боссу не звони)

В природе существует определённая категория людей, которая, приняв на грудь пятьсот – семьсот грамм, начинает звонить всем знакомым и родственникам, начальникам и подчинённым, бывшим возлюбленным и будущим партнёрам, пытаясь изложить свои взгляды на жизнь. И это в лучшем случае. В худшем – они качают права или угрожают свернуть шею, признаются в своих тайных пороках или выводят собеседника на чистую воду... Сознаюсь, моя фантазия слишком бедна, чтобы описать, какую пургу они несут по пьяной лавочке. Чаще всего такой говорун почему-то трезвонит вышестоящему начальству. Наутро, протрезвев и поздоровавшись с утраченным вчера разумом, он судорожно хватается за телефон и просматривает исходящие звонки. Бог мой, оказывается, он целых пятнадцать минут разговаривал с хозяином холдинга, где имеет честь надрываться. Время звонка ноль часов, ноль минут. То-то, наверное, хозяин обрадовался его звонку в полночный час. А это что?! Пять звонков начальнику отдела! Пять!! Погибаю!!! Первый разговор длился десять минут, следующие по десять – пятнадцать секунд. Вероятно, начальник бросал трубку. Скорее всего, в приступе гнева. А это что за звонки?! Два вызова, адресованные любимой теще. Первый продолжался двадцать минут, второй остался безответным как первая юношеская любовь. Время разговора – два часа ночи. Самое время звонить теще и интересоваться, как её драгоценное?

Волосы у переговорщика начинают вставать дыбом и белеть прямо на глазах. К концу скорбного списка исходящих звонков он сед как лунь, мокр как мышь и печален как памятник Николаю Васильевичу Гоголю, что сидит на Никитском бульваре. Насколько ночью переговорщик был весел, удал и словоохотлив, настолько сейчас он хмур, молчалив и подавлен. Самое ужасное заключается в том, что он ничего из ночных разговоров не помнит. Совсем ничего. Ничегошеньки.

И как с этим прикажете жить далее? А надо как-то. Среди переговорщиков я встречал офицеров ФСБ, МВД и даже высших чинов спецслужб. У таких краснобаев самые длительные и качественные ремиссии, но стоит им развязать, как рука снова, так и тянется к телефонной трубке...

Беглецы

(Капканов тут понаставили)

Ах, как же некоторые не хотят лечиться от алкогольной зависимости. Как будто их хотят кастрировать, оскотить или прижечь раскалёнными щипцами. Когда я работал в кабинете на первом этаже, многие пациенты летом выпрыгивали прямо в раскрытое окно и улепётывали по клумбам под дружные проклятья жён, тещ и родителей.

Но однажды оконная рама вместо дороги на волю оказалась капканом. Раньше через окошко прыгали в основном ребята измождённые, худосочные и сухопарые. А тут попался увесистый парниша, раскормленный и необъятный. Пытаясь выбраться на свободу, он застрял плечевым поясом в оконном переплёте, и ни туда, и ни сюда. Рама древняя, ещё дореволюционная, стёкла подозрительно скрипят и позвякивают, того и гляди, посыплются беглецу на голову и шею.

– Не дыши, – посоветовал я бутузу, – а то тебя осколками посечёт.

Беглец послушно замер. Прошло десять минут, пятнадцать. Стоило бедняге чуть пошевелиться, как рама начинала подозрительно скрипеть, а стёкла, особенно из верхней фрамуги, зловеще позвякивать. Бедолага затихал. Что прикажите делать? Послали за стекольщиком. Матушка пациента, не зная чем себя занять, поглядывая на внушительную корму сына, предложила сделать ему укол в задницу, пока тот находится в тисках оконного переплёта. Я, не подумав, брякнул, что в подобном «предлежании» ему можно и «эспераль» подшить. Мамаша ухватила за эту мысль, как вегетарианец за морковку, она подскочила к сынульке и нежной материнской рукой освободила его от брюк и семейных трусов. Внушительные ягодицы забелели в полутёмном кабинете, как снега Килиманджаро.

– Одень меня! Сейчас же! – приказал сынуля юношеским басом.

– Обойдётся, – отмахнулась маманька, – доктор, зовите скорей хирурга. Пусть он моему недорослю «торпеду» врежет.

В эти заповедные места обычно «эспераль» имплантируют, – давясь от смеха, прогундел я.

– Делайте, – разрешила добрая женщина, – сын согласен.

– Я не согласен! – взревел узник.

– На его голову посыпалась куски древней замазки. Крепыш замер.

– А куда ты денешься, – поставила его на место маманька, – попался, который брыкался.

В дверь заглянула процедурная медсестра, увидела «молочные булки», приснула и скрылась. Следом потянулась чередой дам охочих до мужского стриптиза. Пациент, угодивший в переплёт, занервничал, заегозил, пытаясь выбраться из капкана. На него с удвоенной силой посыпалась замазка времён Очакова и Крыма, парень замер. В те золотые времена ещё не было мобильных с функцией фотоаппарата, не было и Интернета, иначе Сеть наверняка бы пополнилась шедевром в стиле ню. Стекольщика, конечно же, нигде не нашли, а за дверью кабинета, судя по возбуждённым голосам, уже собралась вся поликлиника. Я понял, что пора брать ситуацию под свой контроль:

– Дай честное слово, что после освобождения зашьёшься.

– Не дам.

– Твоё право. Сейчас вся поликлиника будет наслаждаться поучительным зрелищем: пациент Булкин, угодивший в капкан на крупного зверя. Вид сзади.

– Я не Булкин.

– Да-а-а? А как твоя фамилия? Народ будет интересоваться.

– Я согла-а-а-асен, – заблеял толстяк.

– Накройте его одеялами, – распорядился я.

Узника совести накрыли кучей одеял. Наблюдатели отошли подальше от окна.

– Вира помалу, – скомандовал я.

Пациент дёрнулся назад, грузно свалился на пол и затих. Оконная рама времён царя Гороха задрожала как осиновый лист, но с честью выдержала испытание. Когда неудачливый беглец поднял глаза, он увидел хирурга, ласково манящего его пальцем.

Исключения из правил

(Рота вперед)

Статистика – вещь упрямая и нелицеприятная. К пятидесяти годам многие испытанные бойцы начинают притормаживать со спиртным. Здоровье уже не то, а без здоровья, что

за пьянка? Хотя в моей практике встречались и исключения. Константиныч тянул лямку в Забайкальском округе и дослужился до генерала. Карьера военного и водка – близнецы братья. Мы говорим офицер – подразумеваем водка, мы говорим водка – подразумеваем офицер. Однако Константиныч керосинил всегда с умом, головы не терял и больше одного дня никогда не квасил. И не никогда похмелялся. Из принципа. Может быть, поэтому он и сделал такую завидную карьеру в местах, где треть личного состава демобилизуют после «белок». (Сведения получены из уст самого генерала). По выслуге лет Константинычу выдали персональную пенсию и квартиру в столице, в районе метро Чертановская. Свежеиспечённый пенсионер с супругой и двумя дочерьми двинул в Москву на заслуженный отдых. Жена и дочки с головой окунулись в столичную суету, а экс-генерал загрустил, делать ему было совершенно нечего. И повадился Константиныч ходить к гаражам, где тусовались вольнолюбивые мужики со всего района. Гараж и водка – близнецы братья. Мы говорим гараж – подразумеваем водка, мы говорим водка – подразумеваем гараж. Всего через три месяца пребывания в Москве у генерала в отставке сформировался похмельно-абстинентный синдром, и он взялся пить запоями, ну, и как водится, чудить.

Поводом для обращения к наркологу послужил вопиющий случай. Константиныч, нарезавшись в гаражах до поросычьего визга, на виду у трёх двенадцатиэтажных домов, заселённых семьями военных, пополз по-пластунски по снежной равнине. Время от времени он вставал во весь свой исполинский рост, потрясал дрелью, должно быть изображающей пистолет и вопил: «Рота вперёд!» Потом снова падал и героически полз под градом пуль и снарядов к вражеским редутам. Может, он хотел закрыть неприятельскую амбразуру собственным телом, а, может, намеревался подбить вражеский танк. Кто знает? Во всяком случае, когда его взяли вязать подъехавшие менты, генерал отбивался до последней капли крови, не желая сдаваться в плен и лезть в «хмелеуборочную». Но его всё-таки затолкали в «воронок» и отвезли в мед вытрезвитель, где он и проснулся утром на жёсткой койке в обществе таких же «панфиловцев». Два последующих месяца генерал выходил из дома в пять утра и возвращался в час ночи, чтобы не нарваться на зорких соседей. Насколько мне известно, Константиныч до сих пор в завязке.

Венценосные особы

Нарколог – профессия вредная и опасная. Порой встречаются такие пациенты, что не только говорить, даже вспоминать о них небезопасно. Поэтому у волков наркологии вырабатывается склероз на имена и фамилии своих пациентов. Сколько раз я видел своих родовитых пациентов по телевизору, которые гордо заявляли, что никогда в жизни не употребляли спиртных напитков или самостоятельно завязали с алкоголем. Как же. А кто две недели назад крушил мебель в ординаторской, кидался телефонами и удостоверениями государственной важности?

Шалуны

(Здесь всё от меня зависит)

Группа из четырёх дюжих охранников заносила венценосную особу в клинику, ногами вперёд, держа за руки и за ноги. Роскошный кожаный плащ особы приближённой к президенту волочился по земле, загребая как ковш мартовский снег пополам с грязью. Государственный деятель был невообразимо опухшим и синюшным, но игривым. Когда телохранители, крихтя, донесли его двухсоткилограммовое тело до двери, Тимофеич растопырил ноги

и упёрся ими в косяки. Движение замерло. Носильщики ещё несколько раз пытались преодолеть дверной проём, но в самый ответственный момент чиновник раздвигал ноги и препятствовал вхождению процессии в храм Гиппократ. При этом гос чиновник хрипло гоготал и мотал от удовольствия головой. Один из охранников, по-видимому, главный, попытался урезонить зарвавшегося деятеля, мол, хватит, он и так неподъёмный как кабан, так ещё и кобенится. Тимофеич зажмурил один глаз и клятвенно пообещал, больше не озорничать. Но стоило поднести его к входу, как большой человек снова оттолкнулся пятками от стен. Тогда главный телохранитель, не слова не говоря, ткнул тренированным кулаком проказнику под дых, тот издал звук спущенной шины и обмяк. Процессия, наконец-то, преодолела врата наркологического рая.

Торопыжки

(Спешка нужна при ловле блох)

Они звонят по телефону в три часа ночи и ставят перед фактом, что в два часа дня у них состоится встреча с премьер министром или президентом, министром иностранных дел или Господом Богом, поэтому абоненту нужно быть в форме. Срочно! Немедленно!! Безотлагательно!!! Да, запой. Ну и что? Всего-то два месяца попил. Мелочь, ерунда для молодого, растущего организма.

Сонный нарколог, с трудом ориентируясь в пространстве и времени, пытается робко возражать. Но разве можно противостоять бульдозеру?

- Через одиннадцать часов я должен быть на приёме у президента.
- Исключено.
- Доктор, очень нужно.
- Так сколько же времени вы пили?
- Два месяца и ещё пару недель.
- Вы себя в зеркале видели?
- А что? Меня уже и по зеркалу показывают? – отшучивается большущий человек.

Нарколог вынужден вылезать из тёплой постели и пилить на другой конец Москвы, чтобы выводить из запоя очередного чиновника. (Что поделаешь – это его работа). Дверь открывает, как правило, сам «именинник». В его глазах можно утонуть – так они обычно залиты, выхлоп от него такой, что растения в горшках гибнут на корню, но чиновник созрел для лечения.

После капельниц, плазмофереза и гемосорбции большой человек приобретает более или менее товарный вид, чем он моложе, тем ему, естественно, легче. Но если ему больше сорока пяти лет, (а таких чиновников подавляющее большинство) бедный человеческий организм бунтует и не прощает эксплуатации в подобном экстремальном режиме. Молниеносное выведение из запоя – удар по всему организму и после такой встряски хорошо бы отдохнуть и восстановиться. Ничего подобного, после приёма у президента, большие чиновники сразу же начинают трескать спиртное снова. И не докажешь им ничего, и не поспоришь с ними, они самые умные, облечённые властью и полномочиями. Вот только живут недолго.

Несгибаемые ветераны

(Да уж, обмыли пяточки)

У меня есть собственная книга рекордов Гиннесса. В ней записано, кто из пациентов, сколько не пил. Если обращавшийся за помощью находился в ремиссии больше трёх лет – милости просим, поставить в книге свою закорючку. Не надо размазывать сопли и слюни, дескать, спасибо, доктор, я замечательно себя чувствую и прочее. Коротко и ясно: я не пил десять лет и подпись. Так вот в моей книге есть ремиссии, и пять лет, и семь, и девять, и десять, и пятнадцать.

Но пальма первенства, безусловно, принадлежала Герасимычу, который обсыхал двадцать два года. В пятьдесят лет он завязал с огненной водой и до семидесяти двух её даже не нюхал. Окружающие давно уже привыкли, что дедушка всегда трезвый и вменяемый, но вот у бабушки стала свербеть одна навязчивая мыслишка, что семья должна обмыть пятой внучке пяточки, и Герасимыч должен непременно принять в этом участие. Четырём внукам дед ножки не обмыл, просквозил, но уж за внучку просто обязан поднять двести грамм. Дедушка долго отнекивался и отбрыкивался, но бабка была непреклонна – пьют все. Каждый должен принять участие в обмывке ножек у ребёнка. Каждый. Ладно, настояла на своём. Праздник удался на славу: Герасимыч выпил три стопаря самогонки, с непривычки его быстро развезло, и он отправился спать под смешки разгорячённой родни. Среди ночи дедушка проснулся и рванул к ларькам догоняться. Он внезапно почувствовал чудовищное влечение к спиртному, «как будто в бане плеснули из ковшика на каменку, аж всё зашипело». Деда ловили всей семьёй три недели, а он пил в чёрную, ночевал на чердаках и в подъездах, на скамейках и в песочницах. Благо, запой пришёлся на лето, да и кое-какой запас здоровья дедушка за двадцать два года трезвости всё-таки набрал. Когда же его, наконец, отловили, он принялся дубасить свою старушку, а также всех родных и близких, кто под руку попадётся, горланить советские, жизнеутверждающие песни и разминаться дочкиными духами. Насилу его уgomонили и привели на повторную кодировку.

Наркологи знают, что влечение и толерантность заднего хода не имеют. (Это как кнопку «стоп» нажать на медиа плеере, фильм пойдёт ровно с того же места). Так и толерантность, увы, замирает на определённой дозе. Курильщик, который не курил десять лет и развязал, будет также, как когда-то высаживать по две пачки сигарет, а не парочку в день. Выпивальщик, отдохнувший пять годков, снова выдует свой законный литр водки, а не сто грамм.

Милые лжецы

Это самая опасная категория пациентов, самая коварная и непредсказуемая. По их внешнему виду никогда не скажешь, что они не просыхают годами. Эти обаяшки приветливо улыбаются, мило шутят и к месту цитируют Омара Хайяма и Лао-цзы. К концу беседы хочется плюнуть в глаза их родственникам и даже привлечь к уголовной ответственности за клевету, настолько милашки белы и пушисты. А их родные и близкие рассказывают вещи, от которых стынет кровь в ваших жилах и непроизвольно открывается рот. В принципе, больные, страдающие алкогольной и наркотической зависимостью, уже выдавили из себя по капле совесть. В принципе, лживость и изворотливость – главные симптомы при данных заболеваниях, но эта группа пациентов вне конкуренции. Они врут так артистично и жалостливо, манипулируют так умело и коварно, что нужно всегда быть начеку. Долголетний опыт приучил меня к выстраданной мысли – бойся обаятельных и милых пациентов, они могут

обвести вокруг пальца кого угодно. У них, как правило, самые короткие ремиссии, потому что они умеют избегать радикальных методов лечения, откладывая всё на завтра, и внушают окружающим мысль, что справятся с алкогольной проблемой самостоятельно.

Лже-подкаблучники

(Попел песенки)

Евгеньич – седой, с хорошим цветом лица и голливудскими зубами, дядечка сидел передо мной и жаловался на судьбу. Точнее на супругу.

– Я долгих пять лет был зашит. Исключительно из-за капризов своей второй половины. Она, видите ли, даже запаха алкоголя не переносит. А по окончании срока действия лекарства, мне как раз исполнилось пятьдесят лет. Имею я право отметить?!

– Ну-у-у, – замялся я, – иногда юбилеи затягиваются и заканчиваются белой горячкой.

– Не мой случай, – отрезал Евгений, – мы с друзьями посидели, выпили в кафе. Всё чинно, пристойно. Потом пошли домой и по дороге пели песни. Негромко и душевно, подчёркиваю. А она меня опять на пять лет закодировать хочет.

– И всё? – усомнился я, – просто шли домой и негромко пели песни?

– И всё, – пациент взглянул на меня глазами истерзанного ягнёнка, – просто спели «Калину красную» и «Подмосковные вечера».

– Не буянили, не дрались, не падали лицом в салат, не засыпали на проезжей части? Просто попели песенки?

– Клянусь, – заглянул мне в самую душу Евгений, – зачем мне врать?

– Разные могут быть причины.

– Здоровьем своей семидесятилетней матери клянусь. Дайте мне, пожалуйста, справку, что я закодировался, а лечить меня не нужно, я абсолютно здоров. Это у моей жены шарики за ролики заходят.

Уже тогда я не верил своим пациентам и навёл кое-какие справки. Выяснилось, что Евгений пропил в квартире своей сожительницы всю мебель, включая газовую плиту. Женат он никогда не был, а пять лет действительно не пил, так как мотал срок под Воркутой за вооружённый грабёж. Вот, интересно, зачем ему была нужна справка?

Жертвы произвола

(Сходил за хлебушком)

Эта троица принялась рыдать прямо с порога. Особенно заливался сам пациент, жена и теща тоже лили слёзы, но уже не так самозабвенно. Я долго их успокаивал и предлагал попить водички, попутно убирая со стола истории болезни, чтобы их не залил слёзный водопад. Оказывается, жена послала Афанасьича за хлебом три дня назад, а вернулся он только сегодня под утро, весь избитый и несущий перегаром. Глядя на меня чистосердечными глазами, он рассказал чудовищную по своей правдоподобности историю:

– Шёл я себе за хлебушком, никого не трогал. И вдруг, откуда не возьмись, вылетает «воронок», оттуда выскакивают менты и начинают меня избивать.

– Средь бела дня? – оторопел я.

– В том-то дело, – шмыгнул носом Афанасьич, демонстрируя синяки и кровоподтёки, – беспредел творится. Отвезли они меня в отделение, посадили в «обезьянник» и трое суток метелили смертным боем, разжимали зубы ножом и вливали по литру водки в день.

– Надо же, – вздохнул я, – действительно, беспредел.

– На четвёртый день они утомились, уснули, и мне удалось сбежать.

– Какой кошмар, – возмутился я и попросил сопровождающих подождать за дверью.

Родственники, безутешно рыдая, вышли.

– Любезный, вы эти басни жене и теще рассказывайте, на ночь, перед сном. А волкам наркологии такие порожняки гнать не надо, здесь дураков нет.

– Чистая правда, – Афанасьич снова зарыдал.

– Чтобы вас в отделении милиции три дня поили водкой, разжимая зубы ножом? Извините, но в такой бред поверить не могу. Среди людей в синих фуражках я сумасшедших не встречал, как-то не приходилось. Они бы водку сами выдули, с преогромным удовольствием, зачем на вас такой ценный продукт переводить? Рассказываю, как на самом деле всё произошло: вы пошли за хлебом, по дороге случайно встретили приятеля. Три дня вы с ним квасили и куролесили, передрались по пьяной лавочке или у ночного магазина с кем-нибудь схлестнулись. А теперь рассказываете всем байки про «обезьянник» и «беспредел».

– Почему вы мне не верите?!

– Потому что я проработал наркологом столько лет, сколько вам и не снилось. И это ещё на самый фантастический рассказ, который я слышал.

– Вы меня не сдадите? – прошептал Афанасьич.

– Оно мне надо? Только жену с тещей уймите, чтобы они по инстанциям не жаловались, а то вас быстро на чистую воду выведут.

Чудилы

(Когда падает планка)

Вы думаете, пациенты приходят к наркологу после вещего сна или нагоняя от жены. А, может, после мольбы матери или просьбы отца. Ничего подобного. К наркологу приходят не от хорошей жизни: после пробитой по-пьянке головы или разбитой машины, потерянной сумки или найденных приключений, затопленных соседей или прогулянной недели. Что-то, а чудить в нашей великой стране все мастера, но и здесь встречаются первые среди равных.

Родионыч был бандитом, что называется, по жизни. Тюрьмы и лагеря не сломили его вольнолюбивый дух и неизбывную тягу к справедливости. Стоило Родионычу пропустить пару рюмок, как стремление к восстановлению попранной справедливости, накрывало правдолюба с головой и требовало незамедлительных действий. Выпивал он, кстати, не чаще, чем раз в несколько лет. Один разок он тихо сидел в ресторане и мирно кушал свой пончик пополам с водочкой. После пол литры, ему пришло в голову, что его столик самый задрипанный и неказистый, что он расположен в самом позорном месте, и что в этом ресторане его, Родионыча, отчего-то, не любят. Возмущённый браток тут же закатил скандал с битъём посуды и рукоприкладством. Его быстро скрутили и вышвырнули из заведения. Тогда Родионыч прыгнул за руль своего «джипа» и на полной скорости въехал в ресторан по ступенькам, круша витрины и подсобные помещения. Другой раз проказник парился в бане вместе со своей братвой, и что-то ему в их словах не понравилось. Ни слова, ни говоря, Родионыч выбрался из парилки, подпер дверь ломиком и принялся, как ни в чём не бывало, плескаться в бассейне. Брателлы верещали так, будто их уже отправили в ад, а шалун был занят – он в это

время нырял. В третий раз пьяного Родионича остановил гаишник и потребовал предъявить права. Тот вместо прав достал гаечный ключ, вырубил гайца, надел его доспехи и принялся сам тормозить подъезжающие машины. (Дело происходило в десять вечера на Можайском шоссе). После подобных демаршей Родионича били руками и ногами, гаечным ключом и ломиком, бросали под машины и даже электропоезда. Он всегда выживал, но по полгода проводил в больницах, где его собирали по кусочкам и косточкам, что характерно, бедокур ничего из произошедшего не помнил, как он говорил: «планка падает и хана». Затем Родионич шёл ко мне сдаваться, он любил терзать меня вопросом – какая же у него стадия алкоголизма? А я ему отвечал, что у него даже бытового пьянства нет. Но чем так пить, как он, уж лучше даже пробки от бутылки не нюхать.

Отдыхающие

(На халаву и «белка» ближе)

У всех отдыхающих свои развлечения. Кто пьёт до посинения, кто ест до несварения желудка, кто по экскурсиям ударяет, кто по женскому полу. А я наблюдаю, как мужчины и женщины, сами того не желая, разгоняются и уходят в запой. Меня могут обвинить в садизме и дурновкусии, но я называю это профессионализмом. Как стоматолог автоматически осматривает зубы собеседника на предмет лечения от кариеса, так и я подсознательно подмечаю опасные тенденции из жизни отдыхающих.

Вот дядя в белой панаме в десять утра тащится на пляж. Дядю ощутимо колбасит и плющит после вчерашнего, но он решил твёрдо и бесповоротно устроить сегодня день здоровья. Все слышали?! Сегодня день здоровья!! И никаких гвоздей!!! Мужик целеустремлённо подходит к палатке и заказывает бутылку минералки. Делает пару глотков. Не то. Совсем не то. Недопитая бутылка летит в урну. Похмельш заказывает швепс и отхлёбывает пузырящуюся, горьковатую жижу. Опять не то. Вторая бутылка летит вслед за первой. Мужик мнётся, вьётся и нарезает круги. Наконец, решение найдено – он берёт банку пива. Первый же глоток возвращает его организму бодрость и радость бытия. Второй глоток добавляет мудрости и оптимизма. Третий – отправляет его в космос. На часах пол одиннадцатого, а мужик уже сидит в таверне и угощается узо или ракией.

Следующее утро. Солнце бьётся о волны, как мячик о теннисный корт, ветер забирается в лёгкие и пузырит рубаху. Тот же мужик подходит к тому же ларьку, дядя ещё больше помят и несвеж. Он преувеличенно решительной походкой подгребает к палатке и заказывает бутылку минералки...

Вы, наверное, уже догадались, чем всё закончится, или мне продублировать текст? И так четырнадцать дней подряд. Мужик на самом-то деле не виноват, просто у россиян мало ферментов, (смотри мои предыдущие книги), и он не может самостоятельно выплыть из этого омута.

А представляете, что творится в отелях, где всё включено? Тихий ужас. Вы в курсе, что половину всех поступающих летом в психиатрические больницы с алкогольными психозами поставляют трёхзвёздочные и четырёхзвёздочные отели?

Спортсмены-физкультурники

(Ад в качалке)

Очень интересная группа изощрённых мазохистов. Группа спортсменов и физкультурников. Они «наказывают» себя после вчерашних возлияний. Вместо того чтобы дать организму отдохнуть и восстановиться, они начинают толкать штангу, выжимать гири и устраивать пробежки по десять километров на солнцепёке. В наркологической практике это называется «стегать кнутом по загнанной лошади». Бедные сердца похмельных физкультурников подвергаются немыслимой нагрузке и часто останавливаются на полном скаку. В лучшем случае они попадают к наркологам, а не в морг.

Я открыл дверь квартиры, навстречу кинулись внук, внучка, собака и кот. Так, дочь привела на побывку своих чад. Зашибись. Уснуть, видимо, не получится. Внуки стучали своими копытцами, похлеще чертенят и соседи внизу в очередной раз собирались вешаться.

– Есть будешь, дед? – жена выглянула из кухни.

– Не хочется.

– Тогда ложись спать.

– Как же, уснёшь тут с вами.

Внуки вместе с собакой устроили облаву на кота. Тот уходил «огородами», не забывая шипеть на каждом повороте, как будто отстреливался от преследователей. Собака радостно лаяла, детки визжали на такой ноте, что казалось, сейчас лопнут стёкла. Погоня была в самом разгаре, временами у меня закладывало уши.

– А раньше под любой шум засыпал, – напомнила супруга.

– Так то раньше.

– Как дежурство?

– Спокойное.

– Поспал?

– Поспал, – соврал я.

Не рассказывать же ей, что всю ночь, не смыкая глаз, я строчил мемуары. Женщины таких закидонов не одобряют. И, как правило, всячески пытаются отвести мужей от литературной деятельности, мешающей их профессиональным успехам. По-своему, они правы, нечего отвлекаться от дела, приносящего устойчивый доход и пытаться окунуться в богемную среду, где нет ни авансов, ни получек, ни оплачиваемого отпуска. А мне почему-то всегда хотелось нырнуть в этот омут с головой.

– Свет, ты не помнишь, куда я свои рассказы и романчики засунул? – спросил я, выдвигая ящики письменного стола.

– Какие ещё романчики?

– Ну, которые я всю жизнь кропал.

– «Переплут и Бурмакин» что ли?

– И «Переплут», и «Ползком» и «Месть».

– Они на даче, кажется, валяются.

– Не может быть, – пошёл я за стремянкой, – они наверняка на антресолях.

На антресолях было пыльно и душно, зато время повернуло вспять, и я почувствовал себя на двадцать лет моложе, встретив старый эспандер и древнюю мобилу, очертаниями напоминающую пульт от телевизора. В глубине закровов лежало несколько папок, покрытых паутиной и пылью. Я сдул с них пыль, подняв целое аллергическое облако, и открыл первую папку.

Ползком

Сергей Михайлович Головастов упорно полз вперёд. Силы оставили его ещё час назад, но он с детства усвоил комиссарский лозунг: «Есть такое слово – надо»! Головастов выбрасывал вперёд левую руку и подволакивал правую ногу, потом делал наоборот, выдвигал правую «клешню» и отталкивался левой «ластой». Сантиметр за сантиметром, но Сергей Михайлович приближался к заветной цели. Его беспокоила левая рука, она совсем не хотела слушаться. Михалыч уже склонялся к мысли загребать только правой и перенести нагрузку на ноги. Они, слава Аллаху, пока ещё служили. Один раз ему показалось, что он заблудился. Тоска и смятение укутали Сергея Михайловича с головой, словно палач надел на него мешок, пахнувший мышами, накинул петлю и сейчас выбьет табуретку из-под ног. Но нет, Головастов был на верном пути. Ещё немного, ещё чуть чуть, и «золотой ключик» у него в кармане. Точнее – «золотая бочка». Ещё точнее – банка пива «золотая бочка».

Сергей Михайлович полз по собственной девятикомнатной квартире, расположенной в тихих переулках Арбата ко второму холодильнику, где должно было охлаждаться пиво, и проклинал злодейку судьбу.

– Я же долларовый мультимиллионер! – завопил в пустоту Головастов, – у меня денег куры не клюют! Почему же я ползаю по полу как обтруханый пехотинец?! Дайте мне моё пиво! Одну банку! Всего одну баночку пивка! Больше я у вас ничего не прошу!

В его квартире было два холодильника: один находился на кухне и оказался невыносимо пустым, второй молотил в прихожей, туда-то и держал путь неугомонный Головастов. Ему очень хотелось поправиться пивком и поговорить за жизнь, но собеседников не было, и тогда Сергей Михайлович решил общаться с паркетом. Он потёрся небритой щекой о дубовые досточки, потом ударил по ним кулаком и возмутился:

– Всю жизнь я хотел помогать талантливым детям, особенно тем, кто рубит в математике! Кто виноват, что не сбылись мои мечты?!

– Ты...ты...ты..., – ответило из глубины квартиры дурашливое эхо.

– Головастов решил больше не драть глотку, чтобы не нарываться на заслуженную критику и перешёл на лирический тон:

– Не бойся меня, я хороший. Хочешь, я по тебе буду только в тапочках ходить? И других заставлю! Клянусь! А чтобы в грязной обуви по тебе топтать – ни за что! Особенно весной, осенью и зимой, когда вся Москва утопает в грязи. Знаешь, я лето люблю. Наверное, как и ты. Только лето. А осень, весну и зиму ненавижу, – поставил дубовые плашки в известность Головастов, – интересно, что там у нас за бортом? Не знаешь? Я тоже не знаю. Будем надеяться, что июль или август.

Сергей Михайлович с надеждой посмотрел на окно. Но оно было задёрнуто плотной гардиной и Головастову осталось только гадать, какое время года на дворе. В голову грянул залп похмельной боли, и долларовый мультимиллионер снова взял воинственный тон:

– Я поднимусь! Я всегда поднимаюсь! – стал угрожать паркету Сергей Михайлович, – я встану! Я так встану, что ты ляжешь!

Паркет скромно промолчал.

– Ты ещё не знаешь, на что я способен! Я тебя на ламинат променяю! Запросто! Ты у меня в ногах валяться будешь и молить о пощаде!

Паркет боязливо затих и затаился. Головастов задумался о его дальнейшей судьбе. В конце концов, участь паркета была решена:

– Но я тебя никогда не прощу. Так и знай. Я тебя, деревяшка, покараю! Беспощадно!

Паркет возмущённо скрипнул. Это окончательно взбесило Сергея Михайловича:

– Ты думаешь, ты меня сломал?! Поставил на колени?! Заставил ползать на карачках?! Выкуси, паркетная образина!

Михалыч понял, что загнул. На колени ему не встать, а уж, чтобы ползать на карачках – об этом не может быть и речи. Только по-пластунски.

Когда-то Головастов организовал и возглавил крупнейшую в России торговую сеть по продаже дачного инвентаря, или писчебумажных принадлежностей, или продуктов животноводства. Какая разница? Он начинал дело по-настоящему с нуля, не имея ни высоких покровителей, ни криминальных завязок, обладая только светлой головой, заточенной под решение математических задач. Ему казалось, что бизнес в России, если особо не заморачиваться, представляет собой обыкновенную арифметическую задачку, где нужно выйти из пункта А с определённым товаром и попасть в пункт Б. И там этот товар продать. Желательно, чтобы по дороге не угробили, не посадили и не обобрали. Условия задачи просты и понятны – при минимальных вложениях получить максимальную прибыль. Его первые партнёры крутили пальцем у виска, считая, что «этот умный кролик» мгновенно сядет в лужу и разорится с его математическим подходом. Они действовали проверенными методами: заигрывали с властью, ложились под криминал и покупали людей на местах. А Головастов жил как будто в вакууме, не обращая внимания на российские реалии, решая свои уравнения с несколькими неизвестными. Через пять лет, выяснилось, что все, с кем он начинал, или сидят, или лежат: покоятся с миром на бескрайних российских кладбищах. А Михалыч, мало того, что ходит на своих двоих и процветает, так ещё ему и удалось выстроить под себя громадную империю. Всё складывалось настолько великолепно, что Сергей Михайлович принялся отмечать своё заслуженное счастье. Помпезные банкеты чередовались с корпоративами, походы в ресторан с партнёрами плавно перетекали в опустошительные набеги на офисный сейф, где хранились коньяк и водка элитного разлива. Когда Головастов насекомил учителем математики в средней школе и утром спешил на урок, ему было не до пьянства. Иногда, по праздникам, он мог себе позволить, да и то с оглядкой. А тут сам себе хозяин – гуляй, не хочу. Можно и, вообще, в холдинг не заглядывать, получай себе все новости по телефону и скайпу. Процесс-то всё равно движется в заданном направлении. Подчинённые мгновенно подхватили заданный боссом тренд и стали подгонять спиртное Головастову на дом.

Нет большего счастья и удачи для наших работничков, чем бухающий хозяин. Тогда вольница и анархия, всё можно, всё позволено. Ура-а-а!!! Экспроприируй экспроприируемое и грабь награбленное, что, впрочем, одно и то же. Пока соверен квасит, вассалы опятапывают свои делишки и набивают карманы. У них своя задача – не допустить выхода босса из вино водочного плена. Он когда пьяный – хороший. Щедрый и добрый, шёлковый и пластилинный, мягкий и отходчивый, а главное, нелюбопытный. Не то, что твёрдый. Тогда, он, скопидом, за копейку удавится и в каждую щель свой нос засунет. Подчинённые стали регулярно подвозить в покои Сергея Михайловича водку и коньяк от лучших производителей. А уж пива и вина, бывало, навезут – хоть залейся. Но глупость и жадность, идущие рука об руку, свойственные иным людям, в том числе и топ менеджерам, сделали своё чёрное дело. В конце трёхмесячного запоя они потчевали олигарха Михалыча дешёвой «золотой бочкой», а потом и вовсе забыли подвезти ему «боеприпасы». Но Головастов этого не знал и потому героически полз ко второму холодильнику.

Сергею Михайловичу пришла в голову интересная мысль – а ведь он видит мебель в своей квартире исключительно из положения лёжа. Интересно бы взглянуть на неё в другом ракурсе. Например, с высоты одного метра восьмидесяти сантиметров. (Это был рост самого Головастова). Михалыч сейчас же включил своё пространственное воображение. (Недаром по геометрии у него были одни пятёрки). На картинке внутреннего взора, как на экране монитора он увидел предметы своей мебели. Головастов повертел обеденный стол из красного

дерева на двенадцать персон и антикварное кресло эпохи Людовика Шестнадцатого в разных проекциях и вокруг своей оси. Выходило прикольно. Вот бы по-настоящему на них сверху взглянуть. Но об этом не могло быть и речи. Стоило Сергею Михайловичу оторвать голову от пола, как в ней начинался такой «вертолёт», что не только мебель, но и вся Вселенная норовила съездить по зубам геометру Головастову.

Сергей Михайлович всё-таки дополз до холодильника. Умолчим, сколько на этом пути он оставил иллюзий и надежд, утерял идеалов и принципов, приобрёл цинизма и лицемерия. Умолчим, но не забудем. Головастов уже предвкушал, как сделает первый глоток ледяного пива, как облегчённо выдохнет. Как перестанет трещать голова и колотиться сердце. Как рассосётся муть перед глазами и обрушится покой на его неприкаянную душу. Пива в холодильнике не было. Совсем. Ни баночки, ни бутылочки. Там было также зябко и пустынно, как в раю.

Головастов всё понял, недаром он смог выстроить огромную империю по принципу тригонометрии. Сергей Михайлович решил не беспокоить этих уродов, а сразу всех уволить и набрать новый штат. Сколько же они у него своровали? Видимо, от всей души, если до такой степени расслабились. Перед тем, как всех разогнать, придётся просмотреть отчёты и сводки. (Головастов как никто разбирался в цифрах, ещё не родился тот бухгалтер, что мог его надуть). Всех денег, конечно, не вернуть, но за большую часть поборемся. Мысль о финансах временно перекрыла головную боль и похмельную слабость. В Михалыче всколыхнулась жадность и жажда справедливости – он непоправимо трезвел и озлоблялся.

А сколько же бабла тянут с него родные и близкие. Это уму непостижимо. На эти деньги он смог бы оснастить компьютерами пол Сибири и Урала, поддерживать мальчишек и девчонок с математическими способностями и проспонсировать несколько больниц. Вместо этого он содержит три алчных, желчных, ненасытных семейства и пять бесполезных любовниц. По десять тысяч баксов он отчитывает ежемесячно восьми нахлебницам и паразитам. Десять тысяч умножаем на восемь, получаем восемьдесят тысяч. (Головастов оседлал любимого конька – цифры и задачи, дроби и уравнения). Восемьдесят тысяч умножаем на двенадцать месяцев – получаем девятьсот шестьдесят тысяч долларов в год. Почти миллион баксов, которые можно тратить на благо Родины, вместо того, чтобы покупать трусы от Нины Ричи и автомобили от «ламборджини» женщинам, чьих имён он даже не помнит.

Головастов взглянул на себя в венецианское зеркало, раскинувшееся от пола до потолка. Оно отразило ненавистную вчерашнему пионеру Серёже империалистическую харю с красноглазым, потрёпанным лицом, всклокоченными волосами и огромным крестом из платины, инкрустированной бриллиантами. Да это же он, Сергей Михайлович Головастов, собственной персоной. Он стал тем, кого так люто ненавидел в детстве – эксплуататором, обирающим трудящихся и тратящим награбленные миллионы на прихоти барчуков и великосветских давалок.

– Взвейтесь кострами синие ночи, мы пионеры, дети рабочих..., – затянул Головастов надтреснутым голосом.

Получилось неубедительно.

– Почему я так живу?! – заверещал Михалыч, обращаясь теперь к зеркалу, – почему никчемные захребетники оседлали меня, да ещё и погоняют?! Я вычислил, как реквизируют деньги у капиталистической системы, и я вычислю, как восстановить попорченную справедливость! Обещаю! Только бы до телефона доскрестись.

Сергей Михайлович с тоской посмотрел на стационарный телефон, находящийся вне зоны его доступа. Телефонный аппарат уместился на прикроватной тумбочке, на высоте семидесяти сантиметров от пола и служил ярким примером слов из басни: «Видит око, да зуб неймёт». Оставалась последняя надежда на мобильный телефон, который он в приступе горячего бреда размозжил о стенку три дня назад. Или неделю? Или две недели тому

назад? Теперь уже и не вспомнить. Остаётся только надеяться, что современные производители учитывают пожелания заказчиков и делают аппараты противоударными, а аккумуляторы долговечными. Сергей Михайлович вздохнул как новобранец, которому предстояло пропахать на животе всё кукурузное поле и отправился в путь.

Он подполз к осколкам телефона через сорок минут, тот был вдребезги разбит, но, как ни странно, фурычил. Номер своего нарколога Головастов набирал носом, рекомендуя тому кроме необходимых препаратов, захватить команду МЧС, чтобы выломать дверь.

PS. Сергей Михайлович разогнал старый штат, ещё больше обогатился и не употребляет спиртные напитки. Он женился в четвёртый раз, но не посмел лишиться денежного удовольствия прежних спутниц, так что его членские взносы перевалили за миллион баксов. На благотворительность денег просто не остаётся.

Мечь

Александр Садовничий остановил свой «БМВ Х 6» возле палатки, решив прикупить сигарет. Возле ларька маячил какой-то алкозавр в драном куртяке и трениках, он ничего не покупал, но своей отвратительно тощей фигурой загораживал всю амбразуру. Сашка терпеть не мог «стаканов», на дух их не переносил. Причина подобной пещерной ненависти крылась в самом Саньке. Семь лет назад он был таким же, если не хуже. Вернувшись после армии, младший сержант Садовничий в течение двух лет нигде не работал, празднуя долгожданный дембель. Два года служил, два года отмечал, до того доотмечался, что едва не угодил на нары. Что характерно, сам он из той судьбоносной драки ничего не помнил и всю информацию почерпнул со слов очевидцев. Будто шёл Сашок в глубоком подпитии и вдруг ни с того ни с сего, привязался к сторожу новостройки, ему вдруг показалось, что башенный кран накренился и вот вот рухнет. Сторож возразил: кран стоит прямо, просто некоторые слишком много пьют и даже удивительно, что они видят не два крана, а один. Сашка упёрся: кран один, но покосившийся, сторож упорно утверждал – крана два и они устремлены вертикально в небо. Спорщики быстро перешли от слов к делу: сначала Санёк и сторож махались на гаечных ключах, потом фехтовали арматурными прутьями и, наконец, перешли к греко-римской борьбе. В какой-то момент Садовничий оказался сверху и принялся душить оппонента натренированными в ВДВ пальцами. Противник хрипел, но не сдавался, ротоzeи глазели, но не вмешивались, а Сашка напоминал ревнивца Отелло, сменившего ориентацию. Хорошо вовремя подъехал «ворон» и выскочившие оттуда менты оттащили Садовничего за воротник, отпинали и препроводили в «обезьянник». Оттуда его вызволил родной дядя по матери, подполковник сухопутных войск. Между ними состоялся мужской разговор, дядюшка навешал племяннику подзатыльников, отвёл к наркологу и приставил к делу. Армия тогда потихоньку становилась на капиталистические рельсы, и задача Александра заключалась в поисках поставщиков провизии для вечно голодного воинского контингента. Дело оказалось настолько прибыльным, что Садовничий за пару месяцев из вечно пьяного обормота превратился в воротилу районного масштаба. Он женился на своей однокласснице Алине Лепёшкиной, завёл двух детей и взялся вить родовое гнездо.

И как же это называется? Зря он, что ли обсыхал семь лет, чтобы какой-то алконюга мешался под ногами и загораживал весь обзор? Худыш продолжал зачарованно зырить на ряды разноцветных банок и бутылок, выставленных напоказ, судя по нерешительности, денег у него не было. Ханьгу ощутимо колотило и колбасило после многомесячного запоя. Садовничий уже хотел оттолкнуть его внушительным пузом, но доходяга вдруг затрясся, засучил руками и ногами, того и гляди, забьётся в падучей.

– Да, рахит, совсем тебе хреново, нужно тебя поправить, – пожалел дистрофика Сашка и взял себе блок сигарет, а ему четвертинку водки.

– Спасибо тебе, Саш, – трясся синими губами, поблагодарил незнакомец.

– Ты меня знаешь? – удивился Садовничий.

Дистрофан не ответил, он зубами сорвал пробку и присосался к четвертинке, как вампир к яремной вене.

– Откуда ты меня знаешь? – Сашка взял доходягу за плечо.

– Это я, Лёшка Мазур.

– Не может быть, – заморгал Садовничий.

– Может, – шмыгнул носом Лёшка и опять припал к четвертинке.

Десять лет назад они сидели за одной партой: два самых отпетых двоечника в классе, Сашка Садовничий и Лёшка Мазур. Их учитель по русскому языку и литературе по кличке Космополит остроумно прозвал их – братья Садомазовы. Стоило Сашке или Лёшке получить

очередную пару, как преподаватель вздымал глаза к потолку и раздражался навязшей в зубах тирадой: «Россия – это не братья Карамазовы, Россия – это братья Садомазовы. Никогда в этой стране не будет ничего хорошего. Никогда. Страна лодырей, садомазохистов и пьяниц. Взгляните на эту бестолочь, удивительно как они вообще выучились читать и писать. На Западе такие просто не рождаются, а здесь они бродят толпами, куда не посмотри. Валить нужно из этой страны, да побыстрей». Класс подобострастно хихикал, а Космополит продолжал клясть отчизну – он собирался эмигрировать в развитую страну типа Германии или Великобритании и не делал из этого секрета. Конечно, никуда он так и не уехал и, видимо, уже не уедет, поэтому Родину, по слухам, клянёт всё яростней, несмотря на жалобы родительского комитета.

Садовничий посмотрел на Мазура и волна нежности к старому другу накрыла Сашку с головой. Он вспомнил, как они любили курить под окном директора школы, а однажды проникли в учительскую, чтобы подделать в журнале оценки, но не себе, а Алинке, по которой оба тогда сохли. Как залезли в кабинет по биологии и раскрасили скелет разноцветной гуашью, а когда завуч их зажепил, то Лёха взял всю вину на себя. Как забрели на чужой район и спина к спине отбивались от семерых «мэстных».

– Да, Лёха, потрепала тебя жизнь, – Сашка угостил друга сигаретой.

– Не говори, – у Лёшки так дрожали руки, что он никак не мог попасть сигаретой в рот, пришлось её выбросить.

– А отличники-то все наши торчат, как забытый катетер, – Садовничий покровительственно похлопал Мазура по плечу, – просели, умники. А то институты позаканчивали, дипломов наполучали. А как до дела дошло – пшик.

Лёшка молчал, он сжимал четвертинку, как младенец соску, двумя руками, и видимо боялся, что её в любой момент могут отнять.

– А то, двоечник, двоечник, – вспоминал Сашка прежние обиды, – а посмотри, как я поднялся, не то что они.

Мазур добил четвертинку и с сожалением кинул её себе под ноги. Ему ощутимо полегчало.

– Людям нужно помогать, – с умным видом рассуждал Сашка, – вот взять меня. Кабы бы не дядька, спился бы я и под забором окочился. А теперь смотри, как развернулся. Я на год кодировался, а целых семь не пью. Неинтересно мне это пьянство проклятое.

Лёшка посмотрел на удачливого друга снизу вверх, как бездомный пёс на продавца хот-догов.

– Теперь моя очередь помогать. Мы же с тобой безотцовщина. Кто ещё поможет, кроме друга? Закодируем тебя, – расписывал программу действий Садовничий, – на работу устроим. Будешь, как и я, продовольствием заниматься. Как говорится, хлеб – всему голова. Водка – всему задница.

Улыбка тронула потрескавшиеся губы Мазура, надежда зажглась в его слезящихся глазах.

– Компаньоном тебя возьму, – вдруг осенило Садовничьего, – ты понял, хомут. Не грузчиком каким-нибудь или экспедитором, а компаньоном...

Сашкина мобила заверещала и прервала его пламенный монолог. Садовничий чертыхнулся:

– Нигде покоя нет. Знаешь, что такое успешная карьера? Успешная карьера – это когда ты спешишь на работу, в то время как все остальные бухают и жарят шашлыки. Ладно, залезай в тачку, валим к похметологам.

– Ты что, с ума сошёл!? – взвилась жена Сашки, когда узнала про решение мужа сделать Лёшку компаньоном, – он тебя кинет, как пить дать!

– Не надо ля-ля. Меня ещё никто на деньги не разводил.

– Это даже не обсуждается, – загорячилась супруга, – люди тем и отличаются от собак, что не знают чувства благодарности.

– Не трожь моих друзей! – разгневался и Сашка, – что вы, бабы, понимаете в мужской дружбе!?

– Да уж побольше мужиков. Ты его десять лет не видел.

– Да, не видел. А как встретил, будто и не расставались.

– Дубина ты стоеросовая, дурилка картонная. Кого ещё облапошить, как ни тебя, простодырку.

– Рот закрой.

Супруга в сердцах шваркнула блюдо об пол. Сашка ответил двумя. Тогда Алина грохнула три тарелки, мужёк ответил пятью и с вождением посмотрел на заварочный чайник. Жена обидно выругалась, но покинула, усеянное осколками, поле битвы.

Мазур быстро оправдал оказанное ему доверие. Он горбатил сутки напролёт, помогая Садовничему выстраивать вертикаль между налогами и откатами и горизонталь между армией и деревней. Лёха рос и матерел прямо на глазах: он отрастил себе пузцо, купил «джип» и женился. Первенца назвал в честь своего спасителя – Александром. Мазур молился на Сашку: выполнял любой его каприз, из тур поездок привозил ему подарков больше, чем себе, грозился, если родится дочь, назвать её Александрой. Так продолжалось бесконечно долго. Целых два года. Потом у Лёшки пошли обидки, он стал заносчив и высокомерен, с Сашкой едва здоровался, дочку назвал Агриппиной. Доброхоты несколько раз предупреждали Садовничего:

– Саш, ты в курсе, что твой компаньон крысятничает?

– На нашем уровне не дербанят, на нашем уровне договариваются, – не верил Садовничий.

Дошло до того, что главбух со слезами на глазах звывала к хозяину:

– Протри глаза, Саня! Мазур свою фирму открыл, у тебя всех поставщиков переманил и сейчас с «сапогами» мосты наводит.

– Навет, – упорствовал Садовничий и, прихватив семейство, укатил в отпуск на Канары.

И только вернувшись, он осознал всю тяжесть своего положения. Телефоны молчали, поставщики делали вид, что видят Саньку впервые в жизни, а командиры воинских частей при встрече отводили глаза и пожимали плечами, мол, мы-то тут при чём. Коллектив Сашкиной фирмы рассосался на глазах, причём большая часть ушла к Мазуру. Сашка несколько раз пытался встретиться с Лёшкой и выяснить отношения, но по телефону тот был всегда недоступен, а наяву окружён мордатými охранниками. На Садовничем висели кредиты, недострой и неработающая жена с двумя малыми детьми. Выхода не было.

– Я тебе говори-и-и-ила! Я тебя предупрежда-а-а-ала! – гомонила на весь коттедж Алина.

Казалось, её больше волнует не потеря бизнеса и прежнего благосостояния, а то обстоятельство, что она оказалась права. «Запью», – решил Сашка и притормозил у ближайшего магазина. Под радостное уханье продавщицы взял два литра водки, две бутылки виски и пузырь текилы.

– У вас праздник? – улыбнулась кассирша, принимая деньги.

– У меня горе, – цыкнул зубом Садовничий, – друга хороню.

– Он ваш ровесник?

– Одноклассник.

– Такой молодой и уже умер, – притворно вздохнула кассирша.

– Да нет, он пока живой.

– А как же вы будете его хоронить?

– Заживо.

Девушка почесала висок, но от дальнейших расспросов решила воздержаться. Сашка посмотрел на свои «боеприпасы» и прикинул, с чего начать. Если человек не пил девять лет, то первая неверно выбранная бутылка, как неудачная последняя жена – всю оставшуюся жизнь придётся страдать. После долгих раздумий Садовничий остановил свой выбор на водке, свернул ей головной убор, понюхал. Едкий запах сивухи ударил в ноздри. Первые глотки, видимо, пойдут тяжело, но потом ничего, приживётся... Сашка вдруг ясно представил последствия: он разбивает по пьяни «БМВ», жена с детьми его ненавидят и боятся, а он киряет с первым попавшимся «синяком», сидя на фундаменте своей недостроенной бани. Или ещё хуже: напившись до соплей, он достаёт из сейфа свой карабин и идёт разбираться с гадом Мазуром. Лёшка – покойник, а его вяжут и в клетку. Всего один глоток отделяет его такой чудесной перспективы, всего один глоток. Садовничий ещё немного поразмышлял и начал методично метать бутылки в телеграфный столб. Когда последняя бутылка поцеловалась со столбом, Саньку вдруг прорубило – он понял, как отомстить коварному компаньону. Садовничий набрал номер знакомого офицера...

День молодёжи – большой праздник для маленьких городков. В Москве и Питере его особо и не знают, зато в провинции отмечают похлеще Майских праздников. В ресторане «Спелый овощ» гуляла вся верхушка городской администрации. Восходящая звезда оптовой торговли, негоциант Алексей Мазур отплясывал в компании дочки мэра. Вернувшись на место, он первым делом махнул свой фужер с минеральной водой, чтобы унять возникший сушняк. В бокале оказалась не вода, а водка.

– Это что, водка!? – обалдел Мазур.

– Тебя это удивляет? – сосед Лёхи слева, полковник авиации, громко расхохотался.

– А ты что там хотел обнаружить? Детское питание? – поддержал его сосед справа майор связист.

– Да нет, – стал оправдываться Лёха, – я два года был в завязке. На год кодировался, год сам держался, отвык от вкуса.

– А вот отвыкать не нужно, – забасил полковник, наливая рюмку Мазура с верхом, потом себе и майору.

– Не пьянства ради, а здоровья для, – толкнул тост майор, и они втроём дружно скрестили рюмки, а потом и лихо опрокинули.

– А-а-а, хорошо пошла, – заметил полковник, – слушайте ещё тост. Проходит подведение итогов обучения десантников. Командир докладывает: Участвовало сто человек, успешно приземлились девяносто семь. Потерь среди личного состава нет. Комиссия в истерике: как нет? А где трое? Командир объясняет: экипаж прыгать отказался. Ну, за воинскую дисциплину.

Троица остограммилась, Лёшка закашлялся, поперхнувшись водкой. Майор тут же налил ещё всем по рюмке и произнёс:

– Не можешь пить, не мучай штопор. Ну, за профессионалов.

Через час майор с Лёшкой уже пили на брудершафт и собирались дружить семьями, а полковник вышел на воздух покурить. Он позвонил Садовничьему и доложил:

– Первый, первый, я второй. Клиент разговелся. Повторяю: клиент разговелся.

Теперь день Садовничего начинался так: он рассовывал по карманам приготовленные Алиной бутерброды, крался к дому Мазура, прятался за деревьями и наблюдал в бинокль за противником. На следующее утро после совращения, Лёха вышел из калитки малость опухший и поплёлся к магазину. Сердце Сашки забило в сладком предчувствии. Однако подлый Мазур затарился не пивом, а минеральной водой. Садовничий явственно ощутил левой ягодицей укол разочарования. Весь день Лёшка был в бегах, а Садовничий караулил его возле дома. Машина Мазура вернулась в семь вечера, и Сашка с удовольствием отметил,

что на заднем сидении его «джипа» катаются три банки пива. Садовничий почувствовал, как в правую ягодицу впился укол мстительной радости. Три последующих дня Лёха занимался переговорами и был трезв, как стёклышко Сашкиного бинокля. Благородный мститель бился головой о берёзу и его левое полужолие атаковал целый рой досадных и болезненных укулов. Но неуклонно приближалась пятница, день, по своему значению и заложенному в него смыслу, не уступающий Новому году. Поздним вечером Сашка занял свой пост и от нетерпения начал жевать ремешок бинокля. Чутьё его не обмануло – только Мазур подъехал к воротам и выключил зажигание, как в его руке волшебным образом оказалась банка пива. «Джип» ещё дёргался в последних судорогах, а пиво уже лилось в раззявленный Лёшкин рот. Садовничий почувствовал себя так, словно его подключили к райской капельнице, и нектар заструился по его жилам. Мазур выдул три банки пива и только тогда вылез из «джипа», он постоял, покурил, но отправился не домой, а к универсаму. Оттуда он показался тяжело пыхтящий и нагруженный ящиком водки. Сашка поднял глаза к небу и напомнил окружающим кустам:

– Бог не Афонька, карает потихоньку.

Через неделю Садовничий объехал всех поставщиков и командиров воинских частей. Скромно потупив глаза и пряча в губах змеиную усмешку, он поставил всех перед фактом, что Мазур ушёл в запой и выйдет из него к началу следующего тысячелетия. Поставщики и отцы командиры дико извинялись, посыпали голову порохом и «шрапнелью», предлагая в качестве компенсации увеличить Сашкин процент. Садовничий смотрел на них глазами невинно выпоротого ребёнка, однако повышение маржи благосклонно принимал.

Через полгода Сашка с Алиной рулили в Москву по делам, возле той же палатки толкалась тощая, жалкая фигура Мазура. Даже по сутулой спине было видно, как его плющит.

– Да пусть хоть сдохнет! – вскипел Садовничий, нажимая на газ.

Барыши, так барыши

(Продолжение Дневника-1)

Тяжело жить в Москве, не имея крыши над головой. Потыркался Рома по друзьям и знакомым, потыркался, да и вернулся к Сошниковым. Жена и теща, хлебнув независимой жизни, утихли и усердно занимались домашним хозяйством, Рома учительствовал, дочка росла. Тихоныч у себя на Сретенке неожиданно заскучал. Он часто перезванивался с Ромой и обсуждал разительные перемены, произошедшие с барынями:

– Что, и обед сами готовят? – интересовался тесть.

– За моё-моё.

– Что, и посуду за собой моют? – не верил Тихон Тихонович.

– Клянусь, – божился Рома.

– И бельё гладят?

– А как же.

– И даже твои рубашки? – тесть задал этот вопрос таким тоном, как будто гладить супругу рубашки в принципе невозможно.

– Ты не поверишь, они мне даже за пивом ходят.

Тесть был сражён наповал.

– А что же я тогда торчу здесь один, бобыль бобылём?

– Сам удивляюсь. Пора бы уж тебе, Тихоныч, возвращаться назад. Укрощение строптивых состоялось, даже дочка стала меня слушаться.

Сошников пораскинул мозгами, и по всему ему выходила дорога в родное стойло. Через неделю состоялось возвращение блудного отца домой, слёз было столько, что палас на полу не просыхал. Ещё через неделю Тихон Тихонович всерьёз озаботился сдачей наследственных хором. Он оказался на удивление разборчив. Всё ему было не так и не этак: то потенциальный квартирант «нечистоплотный и от него несёт козлом», то «у него глазки пороссячи», а то «борода венником». Не стоит даже и говорить, что арендная плата, предлагаемая будущими жильцами, была смехотворна мала. Сошников довёл до истерики с десятков риэлтеров и замучил дочку просьбами «прошарить Интернет» на предмет поиска нанIMATEлей. Когда Рома уже решил, что тестева квартира останется навсегда в девках, проклянулся интересный звонок. Тесть съездил на встречу и вернулся домой окрылённым.

– Нашёл! – закричал он с порога, напоминая старину Архимеда, обременённого столичной недвижимостью, – нашёл!

– Что ты нашёл? – охладила его пыл Клавдия Петровна.

– Квартиранта нашёл.

– Что за квартирант?

– Дипломат.

– Дипломат? – удивилась супруга.

– Ну, – не мог отдышаться от радости Тихон Тихонович, – я и говорю – работник посольства. Это тебе не наша голь перекатная. Серьёзный человек, при деньгах. Знаете, сколько он будет нам платить?

Жена, дочь, зять и внучка застыли в немом вопросе.

– Триста тысяч рублей в месяц!!!

– Сколько??? – жена, дочь и зять произнесли вопрос одновременно.

Даже внучку пробрало, она перестала капризничать и принялась покорно глотать манную кашу.

– Вот это барыши, так барыши, – ликовал Сошников, подняв вверх указательный палец и повторяя, – дипломат будет платить нам три-и-иста тысяч рублей в месяц.

– Триста тысяч, – ахнула супруга.

– Это же десять тысяч баксов, – быстро посчитала дочь.

– Ничего себе, – промямлил Рома.

– А что такое баксы? – влезла внучка.

– Теперь узнаешь, – пообещал очень довольный собой дедушка Тиша, – правда, он необычный дипломат.

– Что значит необычный?

– Негр. Из африканской страны Зимбабве.

– Негр будет снимать у нас квартиру? – расстроилась жена.

– Ты что, белого не мог найти? – возмутилась дочь.

– Расистки! – рассвирепел Тихоныч, – Сталина на вас нет! Дипломата зовут Мгаммба, он учился в институте имени Патриса Лумумбы. Он знает, как русским языком владеет? Получше вас.

– Свободу Анджеле Дэвис, – поддержал его Рома, – свободу Нельсону Манделе. Нет расизму, ксенофобии и национализму, да политкорректности и толерантности. За десять тысяч гринов можно хоть инопланетянину хату сдавать.

Авторитет Тихона Тихоновича вознёсся на недостижимую доселе высоту. Он разгуливал по Бирюлёвской квартирке в семейных трусах, чего себе раньше никогда не позволял, и учил всех жизни.

– Этим риэлтерам верить нельзя, – сообщал он пятилетней внучке.

– Почему? – спрашивала Иришка.

– Кто такие риэлтеры, она уже знала.

– Они свой интерес блюдут. Только на себя надейся.

– На Бога надейся, а сам не плошай! – звонко выкрикивала внучка.

– Точно, – дед гладил Иринку по голове, потом шлёпал на кухню и принимался наставлять дочь.

Когда подошёл срок платить, дипломат не проявился. Прошёл ещё месяц, Тихоныч был как на иголках, домашним он рассказывал сказки, что Мгаммба в Африке, но скоро вернётся и заплатит за два месяца сразу. Женщины принялись роптать. К концу третьего месяца Сошников подловил не пунктуального квартиранта возле его белого «мерса» и напомнил про должок.

– Денег нет, – пожал плечами дипломат, – нет денег. В Зимбабве военный переворот, к власти пришла реакционная хунта.

– А меня это колышет!? – Сошников перешёл на крик.

– Военщина угрожает молодой демократии. А вы хотите остаться в стороне? – укорил Мгаммба.

– А я-то тут причём?

Дипломат запел, постукивая в такт по крыше белого «мерседеса»: «Гренада, Гренада, Гренада моя. Я хату покинул, пошёл воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». Потом затянул: «Если б знали вы, как мне дороги подмосковные вечера...»

– Ты погоди, – перебил его Тихоныч, – да погоди ты петь. Я по-хорошему всё хочу решить.

– И я хочу по-хорошему, – не возражал Мгаммба.

– Ты мне за три месяца задолжал, не считая коммуналки.

– Задолжал, – оскалился сахарными зубами квартирант, – а что я могу поделать? Военный переворот. Форс мажор. Демократия в опасности, Зимбабве в огне. Сам недоедаю.

На голодающего дипломат похож не был. Его чёрная кожа лоснилась и переливалась на солнце, как шерсть ухоженного лабрадора.

- Ты мне должен почти миллион рублей, – напомнил Сошников.
- Миллионер – плохо. Трудящиеся – хорошо, – продекламировал Мгаммба.
- Мы договаривались!? – опять перешёл на крик Тихоныч.
- Договаривались.
- Я тебе свою квартиру предоставил!? Предоставил! Я своё слово держу!?
- Держу, – кивнул дипломат.
- Это я держу, а ты не держишь!
- Переворот, – вздохнул Мгаммба.
- А мне что делать?

– Оказывать интернациональную помощь молодой демократии, – эту фразу дипломат выговорил настолько чисто по-русски, что можно было не сомневаться, она самая употребительная в его лексиконе.

Тихоныч кинулся на дипломата с кулаками. Улыбка впервые сошла с лица Мгаммбы.

- Ты расист? – спросил он в упор.
- Что ты мне зубы заговариваешь, – рассвирепел Сошников, – деньги отдавай, а не то в полицию заявлю.

– Заявляй, – разрешил Мгаммба, – только укажи в заявлении, что налогов не платишь и обманываешь своё государство. Хотя есть выход получше. Хочешь получить не миллион рублей, а миллион долларов?

- Хочу, – оживился Тихон Тихонович.
- Плёвое дело, – дипломат сверкнул идиомой русского языка, – у тебя иностранный паспорт есть?
- Нету.
- Нужно сделать.
- Зачем?
- Полетишь к нам в Зимбабве.
- За каким?
- Наши повстанцы захватили торговое судно. Ты прилетаешь в Зимбабве, едешь на побережье и продаёшь теплоход американцам. И миллион долларов у тебя в кармане. Все необходимые бумаги я тебе дам. По рукам?
- По рукам.

Сошников вдруг ощутил кончиками заволоженных ушей, что жизнь вновь легка и прекрасна. Он делает себе загранпаспорт, летит в Зимбабве и продаёт захваченный теплоход за миллион долларов. Одной левой он из миллиона рублей делает миллион баксов и заслуживает незыблемый авторитет в семье. По правде сказать, деньги Тихоныча волновали мало, он так долго экономил на себе, что при всём желании не мог потратить больше двухсот баксов в месяц, но авторитет, есть авторитет.

Сошников летел в Бирюлёво как на крыльях. Однако дома его быстро окунули в ледяную воду скептицизма и глумления.

- Лети, Тиша, лети. Там тебя и сожрут, – каркнула Клавдия Петровна, – как ты был дурак дураком, так и остался.
- На вертеле зажарят, – предположила дочь.
- Бульон из него сварят, – не согласился зять.
- Для бульона он слишком старый, – заметила супруга, – и вонючий.
- Если подольше прокипятить – сойдёт, – буркнула дочь Светка.
- Ух, хорош, будет супчик, да с потрошками, – залился смехом Рома.
- Но есть нужно обязательно с хлебушком, – напомнила внучка Ирочка.

Это была последняя капля. Ядовитый гнев овладел Сошниковым, багровая ярость ударила ему в затылок. Действительно, как он мог, пожилой, умудрённый жизнью человек поверить в полную чушь про захваченный теплоход в степях Зимбабве? Тихоныч опять поехал к своему дому и принялся следить за Мгамгбой. Оказывается, к его подъезду постоянно подъезжали длиннющие лимузины. Оттуда выгружались негры в роскошных шубах и стада девах и юношей с волосами всех цветов радуги. «Так он ещё и содомит», – схватился за голову Тихоныч, – «в моём доме. В моей постели. Теперь придётся всю мягкую мебель в квартире менять». Один раз Мгаммба его заметил. Результатом стало то, что теперь счета за воду и электричество приходили сразу в Бирюлёво.

– Он что там, стадо слонов, что ли моет!? – бесился Тихоныч, видя умопомрачительные цифры на квитках.

– Скорее стадо антилоп, – острил Рома.

Но смешного было мало. Денег в семье Сошниковых теперь катастрофически не хватало. Мало того, что Мгаммба не платил обещанных денег, так ещё и своими астрономическими коммунальными платежами окончательно разорил бедняг Сошниковых. Кстати, Рома специально лазил в Интернет и искал новости про переворот в Зимбабве, там не было никаких военных переворотов и ещё: границы страны никак не соприкасались с морями и океанами. Тихоныч как опытный стратег принялся судорожно искать выход, позволяющий удержать и упрочить свой статус главы семейства и расправиться с проходимцем квартирантом. Он вспомнил про капитана Червочкина, который оказал ему неоценимую помощь при осаде квартиры. Тихон Тихонович пришёл к участковому, выложил ему всё, как на духу и поинтересовался:

– Что же мне теперь делать?

– Без понятия. Попал ты, Тихоныч. Работник иностранного посольства – лицо неприкасаемое. С ним никто даже связываться не будет.

– Ты же полицейский, – разволновался Сошников, – блюститель порядка, представитель власти. Неужели ничего с этим шаромыжником нельзя поделать?

– Нельзя.

– Как так?

– Повторяю тебе ещё раз: дипломат – лицо неприкосновенное. У кого хочешь, спроси.

– Бздун ты, капитан, – осерчал Тихон Тихонович, – а ещё мент.

– Менты – самые осторожные в таких вопросах люди, – и не подумал обижаться Червочкин, – мы лучше всех знаем, как из-за одного неосторожного поступка можно под раздачу попасть.

– Ну и что тебе будет?

– Из «органов» уволят. Тебе этого мало? Ты что ли мне будешь пенсию платить?

– За то, что ты с этим жуликом просто поговоришь, и сразу уволят?

– Запросто. Он не просто жулик, он дипломат дружественной нам страны. А потом, что с ним говорить, на него наезжать нужно, – Червочкин рассмеялся и запел: «А ещё вчера все вокруг, мне говорили – Сэм друг. Сэм, наш говорили, гвинейский друг».

– Мгаммба не из Гвинеи, он из Зимбабве, – уточнил Сошников.

– Хрен редьки не слаще. Извини, Тихоныч. Сочувствую тебе всей душой, но помочь ничем не могу.

Вернувшись домой и, выпив для храбрости, Сошников развоевался:

– Встречу его на улице и в харю ему, в харю! – разошёлся Тихоныч.

– Да где тебе, старому пердуну, – презрительно скривилась супруга, – хвалился телять волка заломать.

Тесть молнией выскочил из квартиры, хлопнул дверью, словно раскатом грома и пока не протрезвел, поехал разбираться с Мгамгбой. Пока доехал, хмель выветрился. Африканец, как по заказу тусовался возле подъезда.

– Вот чёрт нерусский, – прошептал Сошников и стал униженно просить дипломата отдать долги или хотя бы заплатить за коммуналку.

Мгаммба ответил на каком-то тарабарском языке.

– По-нашему говори, – не выдержал Тихоныч, – по вашему я не понимаю.

Мгаммба в ответ затараторил на новом неведомом языке, бурно жестикулируя и сверкая белоснежными белками глаз и зубами, контрастирующими с чёрной, как и его душа, кожей. Тихон Тихонович развернулся и поплёлся к метро. Жизнь его была окончена.

Сошников начал чахнуть на глазах. Он худел не по дням, а по часам, его кожа сделалась пергаментной и морщинистой, в глазах застыла смертная тоска. Чувство вины сводило Тихоныча в могилу, уничижительные мысли не давали покоя ни днём, ни ночью: он получил в наследство огромную квартиру и так бездарно её профукал. Из всех возможных вариантов он ухитрился выбрать африканского прощелыгу, который поселился у него навечно и даже коммуналку не платит. Когда капитан Червочкин встретил согбенного Сошникова на улице возле злополучного дома, то не сразу его признал.

– Ты что, Тихоныч, заболел?

– Да нет, здоров, – прошамкал Сошников.

– Квартирант не платит? – смекнул капитан.

Тихон Тихонович безнадежно махнул рукой и взглянул на окна своей квартиры. В его глазах застыли бессильные старческие слёзы.

– Ладно уж, помогу тебе, – смягчился Червочкин, – через два дня получишь всё сполна. Только принеси мне список всех его долгов.

Сошников посмотрел на капитана, как умирающий на своего лечащего врача, не веря ни единому его слову.

Капитан подкараулил Мгаммбу в подъезде, тот отпрянул от него, как газель от ягуара. Червочкин вкратце оповестил африканского дипломата, что третьего дня женился на дочери Сошникова и проблемы Тихона Тихоновича теперь его проблемы. Мгаммба горячо поздравил жениха, рассказал байку про военный переворот и предложил ему слетать в Зимбабве, чтобы вступить во владение теплоходом.

– Не, я к вам не поеду, – заупрямился Червочкин, – я жару не люблю, я холод люблю. Залезаю каждое утро в сугроб и сижу, пока не надоест.

Дипломат невольно поёжился и надвинул шапку ушанку на глаза.

– Что поделаешь, Россия, – развёл руками капитан, – дикая северная страна. Зябко у нас тут, медведи по улицам шастают, холодрыга одним словом. А ещё склизко. Дворники-то лентяи, работают тяп-ляп. Не боишься подскользнуться, дружище? Не ровен час упадёшь, шею себе сломаешь.

Мгаммба произвольно закрутил шеей.

– Беспредел тут у нас творится, – продолжал жаловаться на российскую действительность Червочкин, – гастарбайтеры шалют, шпана с пиками шляется. Как дадут случайному прохожему пёрышком в бочину, тут из него и дух вон.

Капитан жестами показал на дипломате, как шпана запускает нож под рёбра случайным прохожим. Мгаммба побелел, хотя по правде сказать – посерел.

– А раскрываемость низкая, – разоткровенничался капитан, – нулевая раскрываемость. Сколько их было, резонансных убийств – ни одно не раскрыто. Журналисты пошумят, пошумят и успокоятся, а человека нету.

Работника посольства внезапно перестали держать ноги, он съехал спиной по стенке и опустился на корточки.

– А всё почему? – Червочкин навис над дипломатом и уставился на него сверху вниз.

– Почему? – одними губами повторил зимбабвийский подданный.

– Потому что бананья у нас не растут, зато репа вырастает, дай Бог каждому. И ты своей репой соображай, что к чему, – капитан выразительно постучал Мгаммбу пальцем по лбу, – кому можно арендную плату зажимать, а кому лучше до копеечки выплатить. Я тебя пробил по базе, ты уже пять лет с хозяевами квартир такие фокусы выкидываешь. Сколько у тебя там долгу? Не помнишь? А вот я тебе сейчас напому.

Червочкин покопался в кармане и достал список Сошникова со всеми затратами на дипломата дружественной нам страны.

– Деньги подгонишь максимум через два дня. Позвонишь хозяину квартиры и передашь из рук в руки. Иначе включаем счётчик. Ты не бойся, мы тебя пытать не будем, – обрадовал Червочкин, – просто разденем до трусов и кинем в сугроб. Посмотрим, сколько ты там продержишься.

Мгаммба позвонил Сошникову на следующий же день, предложил встретиться и передать всё причитающееся. Получив три пухлых конверта, Тихон Тихонович выпал из депрессии, но впал в невроз выбора. Сколько заплатить капитану? Половину суммы – правильно, но слишком много. Третью – тоже правильно, но тоже многовато. После долгих и мучительных сомнений решил ограничиться тысячей долларов. Червочкин денег не взял.

– Ты какой-то ненастоящий мильтон, – поразился Тихон, – взятку не берёшь, от денег отказываешься.

– Что, все менты что ли продажные? Ты так считаешь, да?

– Извини, капитан. Извини старого дурака, не подумав, ляпнул, – попросил прощения растроганный Сошников.

В Бирюлёвскую квартиру он вошёл как барс. Достал из карманов конверты с деньгами и небрежно кинул на трюмо.

– И по сусалам его, по сусалам, – расписывал Тихон Тихонович, как выбивал из африканца долги, – он деньги мне сразу отдал, а завтра вообще с квартиры съезжает.

Жена и дочь восторженно охали, зять дивился отваге тестя, а внучка нарисовала дедушку, разящего булатным мечом чёрного Змея Горыныча. За что политкорректный Рома поставил её в угол.

Ремонт, продажа – результат

Когда Сошников вступил в свою квартиру, в течение четырёх месяцев оккупированную зимбабвийским подданным, его чуть кондрашка нехватила. Он-то наивно полагал, что ему предстоит поменять мягкую мебель, продезинфицировать сантехнику и дело в шляпе. Счаз. Разрушения в сошниковских хоромах напоминали Зимний дворец образца 1917 года после разгула балтийской матросни. Двери были сорваны с петель или пробиты насквозь тупым предметом, типа ядро или голова. На столах видимо били чечётку в туфлях на шпильках, а на паркете неоднократно пытались развести огонь. В сервант метали ножи и вилки, они так и торчали в разные стороны, напоминая ёжика на инсталляции. Но больше всего досталось кухне, её без затей использовали вместо помойного ведра. Тихоныч с трудом открыл туда дверь из-за скопившегося мусора и протяжно завыл, учуяв смердящий запах гнили. Стоило Сошникову зайти в ванную комнату, как до него сразу дошло, почему счета за воду так зашкаливали. Вода, оказывается, просто хлестала в ванну, не переставая, все четыре месяца. Тихоныч, конечно, понимал, что Мгаммба – лишь гнилой кокос на цветущей пальме Африканского континента, но теперь любой куклуксклановец легко переманил бы на свою сторону вчерашнего интернационалиста. Сошников твёрдой рукой записал всех негров в чёрный список арендаторов и исключил из круга друзей.

– Говорят в Африке воды нет! – запричитал Сошников, закручивая краны двумя руками, – вот потому и нет! И не будет!

После молодецких забав дружественного нам дипломата понадобился капитальный ремонт всей квартиры. Рома настаивал на лицензированной ремонтной бригаде, но скуповатый Тихоныч решил обратиться к молдаванам. Их бригадир Виталик сразу предупредил, что русские и молдаване – братья навек и обещал провести ремонт ударными темпами. Сошников расслабился и три дня не появлялся в своей берлоге. Когда же нарисовался, то его сердце сначала поскакало галопом, а потом резко затормозило, как испуганный скакун, но не четырьмя копытами, а всеми желудочками и предсердиями. «Братья навек» за три дня ухитрились окончательно разнести всю квартиру, разгромили две несущие стены и спёрли остатки кухонной утвари. Тихоныч указал им на дверь, разругался с Ромой вдрызг, но и на второй бригаде решил сэкономить. На строительном рынке он нашёл таджиков под предводительством уважаемого малого по имени Саид. Тот напомнил, что таджики – лучшие строители в мире и привёл в пример Тадж-Махал, Вавилон, египетские пирамиды и почему-то Эйфелеву башню. Рома подозрительно цыкнул, но тут по радио стали передавать песню Стинга. Саид начал настолько чисто подпевать певцу по-английски, что Носков был сражён наповал. Бригадир не стал скрывать, что пять лет назад закончил иняз, но с тех пор успешно освоил профессии маляра и штукатура. Через две недели выяснилось, что лучше бы Саид так и оставался переводчиком, а его бригада продолжала пасти баранов и чистить арыки, потому что более косоруких работников было трудно себе представить. Тогда за дело взялся Рома и по Интернету нашёл славянскую бригаду из строительно-ремонтного холдинга. При подписании договора руководство заострило внимание на некоторых моментах.

– Категорически запрещается три вещи, – сразу предупредил прораб Олег, недавний выпускник строительного института, – а) присутствие молодой женщины с турочкой в руке; б) совместное распитие спиртных напитков под разговоры за жизнь;

в) выплата части денежных средств мастерам до полного окончания работ. Всосали?

– Не-е-е-ет, – покачали головами Сошников и Носков.

– Поясняю для тупых, – не стал с ними церемониться прораб, – если в квартиру попадёт женщина с высшим образованием, она непременно захочет напоить работяг свежесваренным кофе. Делать этого категорически не следует, они сразу возмнятся, что кто-то из них

ей понравился, и вслед за кофе последует постель. Естественно, каждый будет рассматривать собственную кандидатуру и отметить остальных, следовательно, возникнет нездоровая половая конкуренция, исключая усердную пахоту. Женщина о том кофе сто раз забудет, а пролетарии нет.

– Я сам пролетарий, – возмутился Сошников, – я, между прочим, сорок лет на механическом заводе слесарем оттрубил.

– Кофе в турке варите? – прищурился бригадир.

– Растворимый пью, – буркнул Тихоныч.

– Растворимый им наливать не возбраняется, – разрешил бригадир, хоть ведрами пусть его пьют, а вот из турочки нельзя.

– Может и насчёт чая будут какие указания? – хихикнул Рома.

– Будут, – без тени улыбки пробурчал прораб, – мастерам нужно заваривать чёрный чай, а зелёный, каркадэ и матэ – не рекомендуется.

– Почему? – заржал Рома.

– Неправильное чаепитие приводит к вольнодумству, – отрезал Олег, – переходим ко второму пункту. Ни в коем случае нельзя ставить в конце рабочего дня выпивку и разговаривать с мастерами за жизнь.

– А без выпивки, значит, за жизнь разговаривать можно? – ухмыльнулся Носков.

– Какой дурак будет с вами на сухую о жизни перетирать? – свысока посмотрел на Рому бригадир.

Носков осёкся и долго потом корил себя за сказанную глупость.

– Итак, – стал подводить итоги Олег, – нарушение первого пункта, автоматически приводит к вольнодумству, нарушение второго – чревато нарушением третьего. А это самое страшное, что может произойти. Вы рассолодеете от литра выпитого, разомлеете, размякнете, расслабитесь, расщедритесь и отслюните часть денег вперёд и...

– И-и-и? – опять влез Рома.

– И-и-и, – сделал паузу бригадир, презрительно глядя на выскочку, – вся бригада уйдёт в месячный запой, и виноваты в этом будете только вы.

Такую бригаду мастеров, которая подрядилась делать ремонт у Сошниковых, было ещё поискать: пятеро рукастых, умелых, обходительных пареньков с открытыми лицами и лапидарной речью, начисто лишённой матерщины, споро взялись за дело. Они вежливо здоровались, и больше Тихоныч от них не слышал ни слова. Впахивала бригада как проклятая, квартира преображалась прямо на глазах, за шесть недель мастера выполнили почти весь фронт работ, оставалось всего два дня до полного завершения ремонта. И тут неутомная семейка Сошниковых умудрилась нарушить сразу три пункта. Сначала Тихоныч дал слабину и разрешил дочери посмотреть, какой капитальный ремонт они почти что закатали (женщин уже давно подмывало взглянуть на новое великолепие наследной квартиры). Света надушилась, нарядилась, надела самое короткое своё платье (ещё бы, в квартире целых пять молодых самцов) и отправилась на Сретенку. По дороге она заскочила в магазин прикупить кофе в зёрнах и тростниковый сахар.

– Здравствуйте, мальчики, – закурлыкала она, входя в квартиру, где полным ходом шли отделочные работы, – заканчивайте работу, перерыв – пятнадцать минут. Все идём пить кофе.

– Не, мы не будем, – стали отнекиваться добры молодцы, – нам не велено. У нас аврал, к воскресенью нужно всё закончить.

– Если вы передохнёте пятнадцать минут и попьёте кофейку, ничего страшного с вами не случится.

– Не, нам бригадир не разрешает.

– А мы ему не скажем, – заговорщически подмигнула Светлана, – он и не узнает. Давайте знакомиться.

– Не, нам некогда, – взмолились мастера.

– Меня зовут Света, – представилась Сошникова и игриво ткнула пальцем в одного из ребят, – а вас?

– Серёга, – покраснел парень и отложил мастерок.

– Очень приятно. А вас? – она ткнула во второго.

– Данька, – шмыгнул носом второй и сунул кисть в банку с растворителем.

– Ой, нужно вас на бумажке записать, чтобы лучше запомнить. Вы все такие молоденькие и хорошенькие, что и влюбиться недолго. Пошли на кухню, я буду варить вам кофе.

Когда Тихоныч и Рома приехали вечером проинспектировать ход отделочных работ, они наткнулись на празднично шатающуюся молодёжь, выясняющую непростой вопрос, кто из них больше всех приглянулся молодой хозяйке. Сошников принял спорное решение купить несколько бутылок водки и тем самым подстегнуть угасший энтузиазм. Рома не только не возражал, но и вызвался сгонять за спиртным и закуской. Сели на банки из-под краски, вместо стола сгодились строительные козлы, скатерть заменяла вчерашняя газета, посуду – пластиковые тарелки и стопочки. Первые три стопаря упали в глотки быстро и бесшумно, как перезревшие сливы. После четвёртого завязался душевный разговор.

– Сами-то откуда? – выдохнул водочные пары Тихоныч.

– Из Тамбова.

– И как там, в Тамбове? – поинтересовался Сошников, громко икая.

Он, как выпивал, начинал неудержимо икать.

– Хреново, – процедил Серёга.

– А чего? – зажмурил один глаз Рома.

– Вам, московским не понять, – хмыкнул Данька.

– Я из Брянска, – возмутился Рома, – может, слышали, есть такой город-герой Брянск?

– Из Брянска? – оживились мастера, – а теперь москвач?

– Примак, – икнул Тихоныч, – дешёвка.

– Я дешёвка? – онемел Носков.

– Вахлак, – подтвердил Сошников, – бесполезный человек.

– Я бесполезный человек? – выкатил нетрезвые глаза Рома.

– А кто же ты?

В воздухе запахло озоном – гонцом приближающейся грозы. У Ромы возникло неукротимое желание вылить водку тестю на лысину, а сверху присыпать укропом, чтобы тот стал похож на пожилого Фантомаса.

– Хорошая квартира, – Серёга попытался перевести разговор на менее щекотливую тему, – достойная.

– Меня этой квартирой сам Хрущёв наградил, – икнул Сошников, – я же в шестидесятые годы директором секретного завода был. Не хухры-мухры, с космосом был связан.

– Чего ты несёшь? – нахмурился Рома, – ты слесарем на механическом заводе всю жизнь проишачил.

– Завидует мне, – кивнул тесть на зятя, – квартире моей заслуженной, персональной пенсии и жизненному опыту.

– Тебе эта квартира от тётки досталась, – процедил Рома, – вот её мужа действительно генсек наградил. А тебе от завода отвалили скворечник в тридцать три квадратных метра на задворках, и пенсия у тебя – кот наплакал.

Носков ожидал ответной реакции со стороны тестя, но тот внезапно захрапел и выпал из числа собеседников. Рома махнул ещё водки, и его пробило на философию.

– Как вы думаете, в чём смысл жизни? – озадачил он всех.

– Чего? – поперхнулся Данька.

– Я думаю – в самой жизни, – погнал телегу Носков, – в её взлётах и падениях, находках и потерях. Но без смысла жизни никак нельзя, нужно непременно его найти.

– Может он в деньгах? – почесал затылок один из парней.

– Нет, – отмёл эту версию Рома, – деньги, как ни странно, сокращают жизнь. Самое большое количество смертей регистрируется как раз после получек, авансов и пенсий. Мужики, ясное дело, бегут за бутылкой, но и старушки сразу покупают себе сальца и селедочки, нарезку и прочую дребедень, способную обострить хронические заболевания. А ели бы кашку с творожком – жили бы себе и жили. Получается, что деньги убивают. Нет, смысл жизни не в них.

– Может, смысл жизни в любви? – выдвинул версию Серёга.

– Это вряд ли, – завёл тягомотину Рома, – любовь – это всего лишь гениальная ловушка, задуманная матерью-природой для размножения рода человеческого...

Его философскую интоксикацию перебила тривиальная разборка.

– Я ей понравился, а не ты, – Серёга ткнул Даньку кулаком в грудь.

– Нет я, – Данила приварил Серёжу в левый глаз.

– Нет я, – Сергей съездил Даниила по правому уху.

Дальше они выясняли свои отношения уже на полу, катаясь между банками с краской, и норовя оседлать друг друга. Из-за поднятого шума Сошников проснулся, шарахнул ещё пару стопок водки и от всего щедрого сердца отвалил мастерам по десять тысяч рублей, каждому. Ребята поблагодарили и быстренько смылись, а тесть с зятем решили заночевать здесь же, чтобы не переться пьяными в Бирюлёво.

Утром Тихоныч проснулся от звонка в дверь, он глянул в глазок и его сердце рухнуло в пропасть. Дом был номенклатурный, его населяла отборная публика и один из жильцов, отставной генерал бронетанковых войск, стоял напротив двери и видимо был чем-то недоволен. Пытаясь унять дрожь в коленках, Тихоныч приоткрыл дверь.

– Кто таков? – нахмутив седые брови, осведомился генерал, облачённый в броню орденов и медалей.

– Со, Сошников, – откашлявшись и подтянув семейные трусы, представился оробевший Тихон Тихонович, – жилец.

– Воинское звание?

– Рядовой, – Тихоныч невольно втянул живот, вытянул руки по швам и устроил равнение на середину.

– Вот что, гвардии рядовой Сошников, – предупредил генерал, – если в двенадцать ноль ноль в моей квартире не появится горячая и холодная вода, я тебя самолично расстреляю из наградного оружия. Так что, не жилец ты, гвардии рядовой Сошников, если не решишь проблему до полудня. Вопросы есть?

– Никак нет, – проблеял Тихоныч.

– Выполняй.

– Есть, – Сошников щёлкнул ороговевшими пятками.

Легко сказать. Время было уже около десяти утра, а мастера всё не появлялись. Оказывается, вчера перед уходом они перекрыли стояк с водой, чтобы поставить джакузи последней модели с сенсорными кнопками и цветомузыкой. Сколько Сошников ни звонил по указанному на бумажке телефону, в ответ слышались только издевательские длинные гудки. Тихоныч решил взять мастеров измором. Через полчаса в рубке послышался обесточенный мужской голос:

– Да-а-а?

– Это я, Тихоныч! – заверещал Сошников.

– Какой Тихоныч?

– Ну я, Тихоныч, хозяин квартиры, где вы делаете ремонт. А это кто?
– Иде? – голос принадлежал человеку, пешком обогнувшему всю Вселенную, заблудившемуся на Млечном пути и бесконечно уморившемуся.

– Что иде?

– Иде я?

– Откуда я знаю!? – взбеленился Тихоныч.

– Хреново. А чего тогда звонишь? – в усталом голосе послышалась укоризна.

– Да во всём подъезде по нашему стояку ни горячей, ни холодной воды нет. Люди в туалет сходить не могут, ни помыться, ни постираться. Вы когда, разгильдяи, работать начнёте!?

– Ты кто?

– Да Тихоныч я.

– Знаешь что, Тихоныч. Иди-ка ты, Тихоныч...

И голос так далеко послал Сошникова, что они должны были непременно пересечься где-нибудь на самом краю Вселенной.

– Хуже нет, чем со своими связываться! – разбушевался Сошников, – пропойцы, забулдыги, прохиндеи, лоботрясы!

– Да ты, тестюшка, славян не любишь, – сострил Рома, затаивший обиду после вчерашнего, – фашист, русофоб и оппортунист – вот ты кто.

– Только свяжись с этими кацапами – хлопот не оберёшься.

– Ты сам кацап, – напомнил Рома.

– Конечно, – согласился Тихоныч, – а что, я лучше их, что ли? Хохлов нужно нанимать. Они хотя бы так не пьют, как наши. Нужно прорабу звонить и умолять, чтобы срочно приезжал.

Позвонили прорабу.

– Где же я вам украинскую бригаду сейчас найду? – возмутился подъехавший Олег, – да ещё и непьющую?

– Не найдёшь до двенадцати ноль ноль, – напомнил Рома, – генерал Тихоныча к стенке поставит и в расход пустит.

– Беда с вами, – Олег принялся шерстить записную книжку своего телефона, – а вы им точно не наливали?

– Не-е-е-ет, – в один голос загундосили тесть и зять.

Украинскую бригаду искали пять дней. Тихоныч всё это время хоронился в Бирюлёво и вздрагивал от каждого шороха. Ему казалось, что генерал вычислил его адрес и выстрелит по окнам из трофейного танка. Рома приносил со Сретенки угрозы, что если жители подъезда, пять дней сидящие без воды, подловят тестя, то линчуют его прямо на лестничной клетке. Когда новые мастера принялись ставить навороченный джакузи, то залили соседа, того самого генерала. Тихоныч съехал на дачу и ночевал в холодном сарае, зарывшись в полиэтиленовую плёнку. К тому же, прежняя бригада раскололась, кто её споил, и Сошникову выставили счёт. Пришлось брать кредит, чтобы сделать ремонт соседу и возместить неустойку фирме.

Когда ремонт был, наконец, закончен, и речи не могло идти о сдаче квартиры внаём. Ни за что. Только продажа. За миллион! Долларов!! До-о-о-лларов!!! Сошников обзвонил все риэлтерские агентства и выставил свой дворец с молотка. Сразу же пошли косяки.

– Эти риэлтеры вконец обнаглели, – взвизгнул Тихоныч, листая газету «Из рук в руки», – знаете, за сколько они нашу квартиру выставили?

– ?

– Не за миллион долларов, как договаривались, а за восемьсот тысяч.

– Это значит, что двести тысяч долларов как корова языком слизнула? – быстро подсчитала потери Света.

– Норма-а-ально ребята работают, – открыл рот Рома, – с такими друзьями и врагов не нужно.

– Гони ты их, Тиша, в шею, – поддержала Клавдия Петровна, – сами покупателя найдем, чай не пальцем деланные.

– А чем деланные? – поинтересовалась внучка.

Семейство Сошниковых попробовало обойтись своими силами и вывесить квартиру самостоятельно, где только возможно. Всё получилось, только звонков не было. Тихоныч сделался совершенно невыносим, он топал ногами, брызгал слюной и бросался на всех, словно цепной пёс. После двухмесячной самостоятельности Сошников позвонил в агентство и проблеял, что готов пойти на попятную и может быть сумма на его квартиру действительно несколько завышена. Он ещё долго бэкал и мэкал, пока его не пригласили приехать непосредственно в офис.

– Я два месяца не спал, – начал Тихоныч.

– Ну, – привстали риэлтеры.

– Я все последние ночи ворочался.

– Ну, и... – молодые люди устремились к Сошникову, бегая неуловимыми глазами.

– Я много думал.

– Ну же...

– Я готов подвинуться. Но, конечно, в разумных пределах.

– Слава Богу, – встрепнулись продавцы драгоценных метров, – и на сколько вы готовы упасть, Тихон Тихонович?

– На пять тысяч долларов! – гаркнул Сошников, поражённый размером собственной щедрости.

– Знаете что, Тихон Тихонович? Идите-ка вы..., – и менеджеры среднего звена отправили Сошникова опять на край Вселенной.

В конце концов, покупатель нашёлся. Им оказался богатый казах по имени Серик, решивший вложиться в московскую недвижимость. Поехали смотреть квартиру. Серик прихватил с собой весь род, до седьмого колена. Они еле еле влезли в лифт, Тихоныч и Рома не поместились.

– Нет, казахи всё-таки молодцы, – сделал вывод Сошников и резво дунул вверх по лестнице.

– Куда ты? – оторопел Рома, – сейчас на лифте доедем.

– Не отставай, – Тихоныч вприпрыжку поскакал на пятый этаж.

Носков, вздыхая, двинул следом. Покупателям квартира не понравилась. Серик едко заметил, что миллиона баксов она не стоит, вид из окна отвратительный, а из джакузи пахнет мышами.

– Чем пахнет? – онемел Сошников.

– Мышами, – отрезал Серик.

– Я сто тысяч долларов в ремонт вложил! – взревел уязвленный в самое сердце Тихоныч.

– Да хоть двести, – хохотнул Серик, – а миллиона она всё равно не стоит.

– Ну нет, так нет. Других покупателей найдём, – пожал плечами Рома, – квартира роскошная, в центре Москвы, от желающих купить отбоя нет.

– Что-то сердце щемит, – Тихон Тихонович присел на табуретку.

– Ничего, – успокоил его Рома, – вот продадим хату и в Париж махнём или в Ниццу. А может на воды в Баден Баден.

Тихоныч, держась за сердце, учащённо дышал.

– Клиент созрел, – потёр руки Рома, – не бзди, Тихоныч, купит Серик нашу хату, никуда не денется.

– Кончаюсь я кажись, – прохрипел Сошников.

– В Венеции побываем, во Флоренции, в Генуе, – не слушая тестя, продолжал Носков, – в Падуе, Вероне.

– Дышать нечем, – застонал Тихон Тихонович.

– Вот паркет здесь и вправду хорош, – донёсся из гостиной голос Серика, – и двери нарядные.

– А ещё бы здорово в Испании побывать, – размышлялся Рома, – Иришке нужно загодя белый свет показывать.

– Зря я с этой квартирой связался, – прошептал Сошников, – сгубила она меня, зараза, всю кровь высосала, стервь.

– Расцветка обоев мне совершенно не нравится, – из-за стены послышался капризный женский голос, – требуется переклеить.

– А ещё нужно обязательно съездить на острова, – стал загибать пальцы Рома, – на Родос, Крит, Корфу.

– Зачем мне всё это? Ведь мне хватало моей пенсии в шесть тысяч рублей, даже оставалось ещё, – голова Тихоныча обессилено упала на грудь, и он боком повалился на паркет.

– Ты чего? – присвистнул Носков, – вставай быстрее, неудобно.

– Беру я вашу халупу, – из ванной комнаты сквозь шум льющейся воды раздался весёлый голос Серика, – беру, но исключительно из-за джакузи. За такую дискотеку и миллиона не жалко.

Но Сошников этих слов уже не слышал, он лежал на полу в позе эмбриона, его глаза были широко раскрыты, а на губах застыла презрительная улыбка, как будто перед самой смертью он, наконец-то, разобрался, в чём смысл жизни, но из вредности никому ничего не расскажет.

Потомственный кузнец

В середине девяностых многие россияне дрыгнули за пределы отчизны, как клопы после обработки окрестностей дустом. В русских людях откуда-то вырастали еврейские, греческие, немецкие и прочие корни. Процесс брожения умов докатился и до Калиновки, небольшого сибирского села под Абаканом. Однажды сыновья местного кузнеца Шмидта Пётр и Павел запросились в Германию. Они заявили в кузницу к отцу и предложили валить за кордон.

– Что вам там, мёдом что ли намазано? – усмехнулся Густав Фридрихович, – где родился, там и пригодился. Тоже мне нашлись – дети лейтенанта Шмидта.

– Отец, ты же чистокровный немец, лишь по недоразумению оказавшийся в Сибири, – стал настаивать старший сын Пётр.

– Не дай тебе Бог, пережить такое недоразумение, – нахмурился папаша Густав.

– Я тебя понимаю, отец, – заехал с другого края младший сын Павел, – у тебя обида на Советскую власть и Россию. Вот и нужно отсюда побыстрее соскакивать.

– Подсобите лучше, – прикрикнул на сынов Густав, и парни кинулись ему помогать, исподлобья поглядывая на отца.

Как Густав не отмахивался от этих разговоров, сыновья постоянно к ним возвращались. Наконец, Шмидт старший не выдержал.

– Вы хотите туда уехать? Езжайте. Я вас не держу.

– Нам ты нужен, – в один голос пробасили сыны.

– За каким чёртом?

– Ты будешь проходить в посольстве, как немецкий военнопленный, – взял слово младший Павел.

Он легче брата находил общий язык с отцом.

– И что? – не понял Густав.

– Значит проходишь по самой высшей категории для получения пособий. Они называются «комендантские». А мы к тебе прицепимся, как вагоны к паровозу.

– С тобой мы получим «комендантские» вдвое больше, чем без тебя, – уточнил Пётр, более прямолинейный и бестактный.

– Ага! – взревел Густав, – значит, со мной выгоднее стоять на паперти, чем без меня! Медяков больше подадут!

– Отец, ты опять всё не так понял, – попробовал загладить возникшее напряжение Павел.

– Чего тут понимать! – разбушевался Густав, – вырастил двух тунеядцев на свою голову. Им, видите ли, Германия стала по вкусу, а Россия вконец опротивела. Хотите всю жизнь не робить, а на пособия сидеть? Лодыри несчастные.

Он запустил в младшего сына подковой, а в старшего кочергой. Что не говори, а младшенького он любил больше. Сыновья, зная буйный нрав отца, заранее пригнулись и кинулись из избы.

Густав родился в Поволжье в семье немецкого колониста. Это было государство в государстве, основанное ещё Екатериной Второй. Там все говорили по-немецки, у всех были немецкие паспорта и немецкое гражданство. В 1941 году маленькому Густу только исполнилось пять лет, когда в их село нагрянула колонна грузовиков. Из головной машины вышли офицеры НКВД и дали на сборы двадцать четыре часа. Ни в чём неповинных немцев, кроме того, что они тевтоны по крови, погрузили в грузовики, потом в теплушки и отправили по этапу в Сибирь. На каждой станции «потенциальные гитлеровцы» всё выходили и выходили, по сути, в никуда. Семья Шмидтов решила ехать до конечной остановки, чтобы

дальше уже некуда было высылать. Вылезли в Абакане, взвалили на плечи скудный скарб и принялись осваивать Сибирь, как когда-то Поволжье. Отец Густава Фридрих был потомственным кузнецом, недаром Шмидт по-немецки – кузнец. Фридрих был рослым, основательным, молчаливым и работающим. Он не стал строить времянок, хлипких скворечников и шатких штакетников, а срубил огромную домину в сто двадцать квадратов, разбил сад и поднял кузнечное дело в Калиновке на недостижимую высоту. Мать Густава Анхен не выла на Луну и не проклинала весь род человеческий, начиная от Адама и заканчивая Сталиным, а терпеливо и неуклонно приучала единственного сына быть островком германской стабильности в болоте российской расхлябанности. В школе Густава не любили и дразнили фашистом. Он разительно отличался от своих чумазных одноклассников. Его брюки всегда были идеально выглажены, а ботинки начищены до зеркального блеска. На переменах маленький Шмидт доставал специальную тряпочку и полировал обувь, чем доводил преподавателей до нервного срыва. Учителя, такие же зачуханные, как и их ученики, искренне недоумевали, как можно мыть голову и пользоваться утюгом ежедневно, а не от случая к случаю.

Однако сыновья Густава были истинными детьми своего отца. Если какая-то мысль западала в их светловолосые, упрямые головы, выбить её оттуда можно было только вместе с жизнью. Они подключили к уговорам свою матушку. Мать была русская, родом из Калиновки и нуждалась в германщине, как корова в шнапсе. Но материнское сердце более чувствительно к просьбам детей, чем отцовское и Анастасия Авдеевна встала на сторону сыновей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.